Вместе с тем, будучи убежденным демократом и разделяя идеи марксизма, он решительно выступал против немедленной социализации Афганистана, считая, что эта страна совершенно не созрела и не готова для подобного рода волюнтаристских экспериментов.

Б. Кармаль не был пьяницей, хотя такой ярлык, надо признать, на него упорно пытались навесить именно те находившиеся в Кабуле советские влиятельные деятели, прежде всего совпосол Ф.А. Табеев, которые, следует ради истины подчеркнуть, сами являясь закоренелыми поклонниками Бахуса, считали чрезмерное возлияние при любой встрече с афганскими должностными лицами непреложной нормой, эдаким шиком гостеприимства.

Б. Кармаль не был и жестоким человеком. Ведя борьбу со своими противниками, он, как глава государства, не опускался до массового террора, до слепой мстительности, что, впрочем, расценивалось в кругах его внутрипартийных неблагожелателей как слабость характера, нерешительность и даже как трусость. Он был широко образованным, эрудированным человеком, свободно владевшим, кроме дари и пушту, немецким и английским языками. Имел двух сыновей и двух дочерей. Жена (с 1956 г.) – Махбуба Кармаль.

В июне 1990 года на II съезде партии был заочно избран членом Центрального совета Партии Отечества. Преданный горбачевской и ельцинской камарильей он возвратился 19 июня 1991 года в Кабул. Не занимая никаких партийных и государственных постов, проживал в афганской столице до прихода к власти моджахедов в апреле 1992 г.

После падения Кабула вместе с семьей перебрался в Мазари-Шариф, центр обширного афганского Севера, который в то время контролировался его старым приверженцем, генералом А.Р. Дустомом, а затем в Москву. Умер 1 декабря 1996 г. в 1-й Градской больнице (г. Москва). Похоронен в Мазари-Шарифе. Некоторые члены его семьи проживают в эмиграции в Индии.*

***Примечания**: Специальный бюллетень Института востоковедения АН СССР. – 1980. – № 2. – С. 195–196; Гай Д., Снегирев В. Вторжение: Опыт журналистского расследования // Знамя. – Март 1991. –№ 3. – С. 195–233; Апрель 1991. – № 4. – С. 230–233; Труд. – 1991, 24 октября; Комсомольская правда. – 1993, 27 января; Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1980, 1 января; Пейам. – 1990, 30 июня; Ды Афганестан каланый, – Кабул, 1357 (1979). – С. 3. – На языке дари; Kabul New Times. – 1980, May 5, November 22; Anwar R. The Tragedy of Afghanistan: A first–hand account. – London: Verso, 1988. – P. 27–28, 40, 48–58, 71, 119–123; Arnold A. Afghanistan's Two–Party Communism: Parcham and Khalq. – Stanford, California: Hoover Institution Press, 1983. – P. 19–22, 68; Mukherjee S. Afghanistan: From Tragedy to Triumph. – New Delhi: Sterling Publishers Private Ltd, 1984. – P. 93–110; Bradsher H.S. Afghanistan and the Soviet Union. – Durham: Duke University Press, 1986. – P. 39–40; Afghanistan: Yesterday and Today. – Prague: Orbis Press Agency, 1982. – P. 30–31.

Приход к власти, внутренняя и внешняя политика нового афганского руководства

Еще до непосредственного ввода советских войск в Афганистан, когда выбор кремлевских вождей пал на Б. Кармаля и его окружение, будущее афганское партийное и государственное руководство уже было поставлено в зависимое от Москвы положение. Оно лишилось какой–либо возможности самостоятельно управлять страной. Ему было оставлено лишь «право» озвучивать своими устами исходившие из Кремля установки и поступать в соответствии с его неприкрытым диктатом. К каждому сколько-нибудь значимому афганскому партийному и государственному служащему были приставлены советские советники по различным сферам деятельности. Подавляющее большинство из них, пренебрегая статусом «советника» и руководствуясь исключительно соображениями т.н. «революционной целесообразности», начали активно вмешиваться в непосредст-

венное руководство различными учреждениями и ведомствами Афганистана. Афганские должностные лица были превращены в невольных статистов при советских советниках. Порой доходило до абсурда. К примеру, советское посольство в Кабуле во главе о послом Ф.А. Табеевым и многочисленный советнический аппарат при афганских ведомствах не только взяли на себя подготовку всевозможных проектов законов, решений и постановлений по правительственной линии, речей и выступлений для афганских деятелей, но даже и приветствий и посланий последних в адрес своей же, советской, стороны. Забегая вперед, следует заметить, что и тексты первых радиообращений Б. Кармаля к афганскому народу по поводу свержения режима Х. Амина и прихода к власти парчамо-халькистского альянса были заготовлены в московских кабинетах.

Любопытная особенность: на первых порах «официальные» заявления и обращения Б. Кармаля к афганскому народу исходили от имени несуществовавших еще тогда высших партийных и государственных органов.

Их формирование произошло лишь некоторое время спустя.

Итак, как же это было на самом деле?

14 декабря 1979 года Б. Кармаль вместе с М.А. Ватанджаром, Нур Ахмад Нуром и А. Ратебзад были тайно доставлены самолетом из Ташкента на военно-воздушную базу Баграм (в 60 км к северу от Кабула) [1]. Но уже вечером их срочно вывезли обратно в Ташкент. Снова в Баграм тем же маршрутом они вернулись 23 декабря и расположились в капонирах, вырытых на краю аэродрома. Именно здесь 27 декабря они провели заседание по обсуждению плана своей деятельности на предстоящее будущее (в афганской и советской печати данное событие было названо «историческим заседанием Политбюро ЦК НДПА», хотя на нем присутствовали только трое из семи членов нового состава этого еще не состоявшегося тогда высшего партийного органа) [2]. В 0 часов 30 минут 28 декабря на связь с Б. Кармалем вышел руководитель КГБ СССР Ю.В. Андропов и поздравил его по случаю победы второго этапа революции и назначением (?!) на пост председателя Ревсовета ДРА [3].

Рано утром 28 декабря, как уже отмечалось, ведомая советскими экипажами колонна бронетранспортеров под прикрытием трех танков доставила Б. Кармаля и его коллег в одну из столичных воинских частей афганской армии. Через сутки их перевезли во дворец Чехельсотун (бывший королевский дворец на южной окраине Кабула, обычно служивший ранее, при монархии, для приема высокопоставленных иностранных гостей). Здесь Б. Кармаль оставался до 11 января 1980 г. – до переезда в его постоянную резиденцию (дворцовый комплекс Арг в центре столицы).

Еще до прибытия Б. Кармаля и его ближайшего окружения в Кабул перед ними одним из самых неотложных встал кадровый вопрос. На первых порах для многих из них, а также и советских деятелей казалось, что на новом витке деятельности НДПА, наученной горьким опытом недавнего прошлого, можно найти приемлемую для обеих фракций компромиссную формулу дележа постов и портфелей и избежать таким образом их противостояния и межфракционной борьбы. Однако уже вскоре обнаружилась вся иллюзорность такого рода надежд. Снова на поверхность выплеснулась болезненная проблема партийного единства. Каждое из двух внутрипартийных крыльев, гипертрофируя свои заслуги в событиях 6 джади (27 декабря), стало упорно добиваться своего «достойного» представительства в высших структурах руководства страной и партией.

Следует еще раз подчеркнуть, что ни Центральный комитет единой НДПА, ни Революционный совет и ни правительство ДРА, от имени которых Б. Кармаль вечером 27 декабря обращался по радио к афганскому народу (предположительно эти передачи велись через радиоцентр в г. Душанбе), в реальной действительности еще не существовали. Как, впрочем, в то время не имели легитимного статуса ни сам Б. Кармаль, объявленный в указанных радиообращениях «генеральным секретарем объединенной НДПА, председателем Революционного совета и премьер-министром ДРА», и ни Асадулла Сарвари и Султан Али Кештманд, названные в них «заместителями председателя Революционного совета ДРА» [4]. Лишь 28 (по другим данным, 29) декабря на состоявшемся во дворце

Чехельсотун совещании с участием представителей обеих фракций был официально образован президиум Революционного совета в составе его председателя (Б. Кармаль), двух заместителей (А. Сарвари и С.А. Кештманд) и четырех членов (Нур Ахмад Нур, генерал Абдул Кадыр, подполковники Мухаммад Аслам Ватанджар и Голь Ака) [5]. Таким образом, постоянно действующий орган Ревсовета ДРА был представлен четырьмя военными и тремя гражданскими лицами, а по партийно–крыльевой принадлежности – четырьмя членами Парчам, двумя от Хальк (М.А. Ватанджар и А. Сарвари) и одним представителем организации «Объединенный фронт коммунистов Афганистана» (А. Кадыр). В этот же день было сформировано правительство страны в узком составе, в котором портфели были распределены следующим образом: Б. Кармаль – премьер-министр; А. Сарвари – вице-премьер; С.А. Кештманд – вице-премьер и министр планирования; подполковник Мухаммад Рафи – министр обороны; Сеид Мухаммад Гулабзой – министр внутренних дел; Шах Мухаммад Дост – министр иностранных дел; доктор А. Ратебзад – министр просвещения; Абдул Вакиль – министр финансов; Ширджан Маздурьяр – министр транспорта; Файз Мухаммад – министр по делам границ и племен; Мухаммад-хан Джалалар – министр торговли. Предполагалось в ближайшее время назначить остальных членов правительства. При этом было заявлено, что в его составе беспартийные (в дополнение к М. Джалалару) займут посты министров сельского хозяйства и здравоохранения. Намечалось также расширить за счет беспартийных и состав Ревсовета ДРА. Установка на широкое привлечение в руководящие органы власти и управления компетентных кадров, независимо от их партийной принадлежности, было особо подчеркнуто на 1 пленуме ЦК НДПА, состоявшемся 10 января 1980 г. во дворце Чехельсотун. «Правительство, – говорилось в его решении, – должно включать в себя на широкой основе, без какой-либо дискриминации беспартийных, высококвалифицированных, честных специалистов, учёных и представителей интеллигенции» [6].

На указанном пленуме был сформирован Центральный комитет и другие высшие руководящие органы партии – политбюро и секретариат. Генеральным секретарем ЦК НДПА был избран Б. Кармаль. В состав ЦК вошли 36 членов и 8 кандидатов в члены ЦК. Членами политбюро, кроме Б. Кармаля, стали А. Сарвари, А. Ратебзад, С.А. Кештманд, Салех Мухаммад Зерай, Гулям Дастагир Панджшери и Нур Ахмад Нур, а секретариата – Б. Кармаль, С.М. Зерай и Нур А. Нур. Хотя новое афганское руководство клятвенно обещало соблюдать паритет между двумя партийными крыльями при формировании руководящих органов объединенной НДПА, однако на деле и в политбюро, и секретариате парчамисты обеспечили себе небольшое преимущество в голосах, достаточное для того, чтобы заблокировать любое неугодное им предложение или намерение своих внутрипартийных соперников-халькистов. Что касается ЦК НДПА, то в нем в 1980 году из 44 членов и кандидатов в члены ЦК парчамистов было 27 человек (или 61,4%), а халькистов – 17 (38,6 %). Такая же картина наблюдалась в составе Революционного совета ДРА, его президиума и правительства страны. Так, в Ревсовете ДРА, включавшем в себя 58 человек, халькисты были представлены лишь 20 лицами, или 34,4 %.

Фактически высшие партийные и государственные органы были сформированы в полном составе только 10 января 1980 года на пленуме ЦК НДПА и заседании Ревсовета ДРА, специально рассматривавших организационно-кадровые вопросы. В окончательно сформированное правительство страны, состоявшее из 19 членов, вошли трое беспартийных деятелей: министр торговли М. Джалалар, министр здравоохранения профессор Мухаммад Ибрагим Азим и министр сельского хозяйства и земельной реформы Фазль-ур-Рахман Моманд. Халькисты получили восемь министерских портфелей. Пять постов в кабинете (министров внутренних дел, национальной обороны, связи, по делам племен и границ, транспорта и туризма) заняли военные, в том числе из халькистского крыла. На ответственные посты в различных министерствах были приглашены многие видные деятели прежних режимов, например, в качестве правительственных советников доктор Нематулла Пажвак, доктор Абдул Вахед Сароби, доктор Абдул Валид Хокуки, поэт Абдурауф Бенава, Мир Мухаммад Фарханг, историк Абдулхай Хабиби и др. Всего с янва-

ря по май 1980 года на ответственные посты в госаппарате было назначено 191 лицо, из которых 78 являлись беспартийными [7].

Новое афганское руководство в своих первых заявлениях и обращениях к соотечественникам решительно отмежевалось от антинародной, преступной политики прежнего режима и выразило им глубокое сожаление и скорбь по поводу понесенных жертв и страданий от рук аминовской клики. Было подчеркнуто, что незамедлительно будут освобождены из тюрем все политические заключенные и обеспечены при полной гарантии безопасности благоприятные условия для возвращения на родину тех лиц, которые вынужденно покинули ее в предшествовавшие годы. «В возможно короткие сроки, – заявил Б. Кармаль в радиообращении к афганскому народу вечером 27 декабря 1979 года, – будет создан широкий фронт всех национальных и демократических сил под единым руководством Народно–демократической партии Афганистана ... и гарантированы все демократические свободы, включая право на создание прогрессивных и патриотических партий, массовых организаций, свободу прессы, мысли и собраний» [8]. Впервые с начала внутриафганского кризиса новые власти устами Б. Кармаля заявили о намерении решить политическими средствами проблему противоборства с антиправительственной вооруженной оппозицией [9].

29 декабря 1979 г. на первом совместном заседании только что сформированных президиума Ревсовета и правительства ДРА состоялось обсуждение практических мер по реализации программных установок, объявленных в двух заявлениях Б. Кармаля от 27 декабря. Были приняты решения об организации под новым руководством деятельности министерств национальной обороны и внутренних дел, освобождении политических заключенных, о начале издания официальных печатных органов – газеты «Хакикат-е энкелаб-е саур» («Правда Апрельской революции»; ее главным редактором стал М. Барьялай) и газеты «Кабул Нью Таймс» (на английском языке), праздновании 15-й годовщины создания НДПА, а также об образовании специальной комиссии по расследованию преступлений Х. Амина и его режима [10].

В числе первых актов правительства Б. Кармаля явилось освобождение из тюрем политических заключенных – членов НДПА (военных и гражданских), представителей интеллигенции и деловых кругов, рабочих и крестьян, служителей культа. Среди них были С.А. Кештманд, М. Рафи, Абдул Кадыр, А.С. Азхар, Наджмуддин Кавьяни, глава афганских исмаилитов Сеид Мансур, религиозный деятель А.Р. Сайяф, генерал Фатех Мухаммад (Ф.М. Фаркамышр), пуштунский ученый Моджавар Ахмад Зейяр, профессор Кабульского университета Али Мухаммад Зохма, генеральный директор центра по переписи населения Седык Вафа, 75-летний преподаватель доктор Бесмилла Кодрати, пилот Абдул Наби, сотрудник Кабульского университета Сеид Султан Шах Хомаль и др.

Только с 27 декабря 1979 по 6 январи 1980 года на свободу вышли около 6 тысяч человек. В соответствии с решением пленума ЦК НДПА, Революционного совета и правительства ДРА от 10 января, подлежали амнистии и реабилитации все политические заключенные, независимо от их идейных взглядов, партийной, племенной, национальной и религиозной принадлежности. До 23 января в столице и в провинциях из тюрем были освобождены в общей сложности более 15 тысяч человек. Как было официально объявлено, к этому времени «в тюрьмах страны, кроме ограниченного числа лиц из банды Амина, более не осталось политических заключенных» [11].

Приступая к выработке основ своей внутренней и внешней политики, новое афганское руководство решительно заявило о преждевременности и неприемлемости в существовавших тогда в Афганистане условиях лозунгов социализации общества и подчеркнуло, что «считает своим историческим национальным долгом расширять и укреплять прогрессивные социально-политические устои ДРА» для того, чтобы «добиться окончательной победы национально-демократической, антифеодальной, антиимпериалистической и антикомпрадорской революции» [12]. Оно обещало, вместе с незамедлительным освобождением политических заключенных, отменить вое антидемократические и антигуманные законы и установления, уважать священные принципы ислама, свободу совес-

ти и отправления религиозных обрядов, защищать семейные устои, соблюдать принцип законно и справедливо нажитой частной собственности, обеспечить личную и коллективную неприкосновенность и безопасность, мир и порядок в стране, а также гарантировать благоприятные условия для реализации демократических свобод, как-то: свободы создания прогрессивных и патриотических партий и организаций, свободу печати, слова, собраний, демонстраций и уличных шествий, право на труд и образование, тайну переписки, свободу передвижения и выбора места жительства.

НДПА брала на себя обязанность обеспечить и защищать национальный суверенитет, независимость, территориальную целостность, а также создать административно–государственную систему власти и управления, способную укрепить основы революционно-демократической законности в жизни общества и государства.

В программных заявлениях нового афганского руководства особо подчеркивалось, что оно будет бороться за повышение жизненного уровня народа, преодоление в стране нищеты, экономической отсталости, невежества и неграмотности, безработицы и социального неравенства, национального и социального угнетения, за создание национальной экономики на основе научно разработанных планов социально-экономического развития. В области внутренней политики в числе первоочередных выдвигались задачи в возможно сжатые сроки завершить проведение демократической земельной реформы, покончить с пережитками феодальных отношений и господством на рынке иностранных торговцев и посредников империалистических монополий, расширить общественный сектор в различных сферах экономики, принять меры к стимулированию и защите деятельности землевладельцев, мелких и средних торговцев и предпринимателей, демократизировать аппарат управления и основы общественно-политической жизни, развивать культуру и языки всех братских племен и народностей Афганистана, осуществить культурную революцию и положить конец влиянию пережитков колониализма, неоколониализма и империализма во всех сферах жизни.

В области внешней политики ставились задачи продолжать проведение последовательной политики мира, основанной на принципах позитивного и активного неприсоединения и мирного сосуществования, поддерживать политику защиты мира и разрядки международной напряженности, ликвидацию стратегических ядерных вооружений, всеобщее и полное разоружение, защиту прав человека и, как член ООН и Движения неприсоединения, оказывать поддержку национально-освободительным движениям угнетенных народов, уважать все договоры и соглашения, заключенные ранее Афганистаном с другими странами мира, и бороться вместе со всеми миролюбивыми силами, в рамках широкого глобального фронта против войны и ее поджигателей, старого и нового колониализма, империализма, сионизма, фашизма и расизма, апартеида и расовой дискриминации, развивать международную солидарность с мировой системой социализма, международным рабочим движением и с движением за национальное и социальное освобождение народов стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Касаясь отношений с соседями, Б. Кармаль в своем радиообращении к народу остановился в первую очередь на отношениях с Советским Союзом, который, как он выразился, «по своей природе является гарантом постоянного мира и безопасности в регионе». Б. Кармаль подтвердил твердое намерение его правительства полностью соблюдать афгано-советский Договор о дружбе и сотрудничестве от 5 декабря 1978 года и укреплять на более высоком уровне нерушимую братскую дружбу со своим северным соседом. Приветствуя исламскую, антиимпериалистическую и антишахскую революцию в Иране, афганский лидер пообещал предпринять шаги к установлению более тесных отношений и укреплению дружбы между двумя странами, связанными, как он сказал, «общими историческими судьбами и не отягощенными какими-либо разногласиями». Им было особо подчеркнуто обоюдное стремление народов Афганистана и Пакистана к установлению прочных братских связей. «Правительство ДРА, – заявил Б. Кармаль, – руководствуясь чувствами братства и чистосердечия, приложит усилия к тому, чтобы устранить все существующие в отношениях между двумя странами разногласия и недо-

разумения через проведение мирных переговоров с пакистанскими властями». При этом среди проблем, омрачающих многие десятилетия отношения между Афганистаном и Пакистаном, была названа пуштуно-белуджская проблема, которую предлагалось решить на основе «права и волеизъявления самих пуштунских и белуджских братьев».

С особой теплотой Б. Кармаль говорил об афгано-индийских отношениях. «В глубь истории нашего региона, – отмечал он, – уходят прочные корни, общая судьба, дружественные и братские отношения между народами Афганистана и миролюбивыми народами Индии. Поэтому, что надо особо подчеркнуть, дальнейшее расширение индо-афганских связей следует рассматривать как один из существенных факторов стабильности, мира и безопасности в регионе». Что касается еще одного восточного соседа Афганистана – Китайской Народной Республики, занявшей враждебную позицию по отношению к афганской революции, то было выражено пожелание нового руководства ДРА иметь с этой страной неподверженные конъюнктуре, подлинно дружественные отношения. Заявив о готовности правительства ДРА протянуть руку дружбы всем странам и народам, Б. Кармаль среди них особо выделил неприсоединившиеся страны и народы мусульманских, в том числе и арабских, государств.

Определяя цели и задачи в области внутренней и внешней политики страны, правительство ДРА исходило из насущных потребностей прогрессивного развития афганского общества и преодоления вопиющей социально-экономической и культурной отсталости страны, а также из острой необходимости ликвидации последствий грубейших ошибок и преступлений прежнего режима. Кроме того, в условиях угрожающего расширения масштабов гражданской войны лидеров партии и государства особо волновали падение престижа НДПА и привлекательности ее лозунгов в глазах широких слоев населения страны и, как следствие этого, утрата режимом опоры в массах. Отсюда для высшего руководства ДРА вытекала неотложная необходимость поиска путей и средств с целью устранения кризиса недоверия к государственной власти и сплочения вокруг нее всех патриотических и прогрессивных сил.

Серьезной проблемой для новой власти оставалась и проблема выхода из международной изоляции, прежде всего в исламском мире, в которой Афганистан оказался особенно после ввода в эту страну советских войск. Однако решение данной задачи становилось все более сомнительной по мере расширения вмешательства извне во внутриафганские дела и превращения территории Афганистана в полигон острой военно-политической конфронтации двух глобальных социальных систем.

Следует отметить, что новое афганское руководство и его советские покровители, разрабатывая программы действий в области политики, экономики, культуры, социальной сферы, явно недооценивали реальности и перспективы внутриафганского вооруженного противоборства. Анализ указанных программ показывает, что задачи борьбы с вооруженной оппозицией и проблемы установления мира на афганской земле давались в них не как главные, приоритетные в деятельности партии и государственной власти, а как-то попутно, вскользь и лишь в увязке с решением других задач. Представляется, что за таким недостаточным вниманием к военному аспекту афганского кризиса крылось иллюзорное представление афганских руководителей о том, что проблема умиротворения страны будет решена исключительно с помощью советского военного присутствия. Впрочем, в начале 1980 года расчеты на военную победу в Афганистане разделяло и высшее советское руководство. Первый проблеск сомнений в правильности этого курса появился у Москвы в начале 1981 года. Тогда министр обороны Д.Ф. Устинов в записке, направленной в политбюро ЦК КПСС, заявил о невозможности военного решения афганской проблемы. Однако эта записка была оставлена без последствий.

Итак, ставка на созидательную деятельность виделась новой афганской администрации приоритетной в сложившейся тогда в стране внутриполитической и международной обстановке.

Определив основные направления задач новой власти, правительство ДРА незамедлительно приступило к их реализации. Уже в январе-марте 1980 года Совет министров

ДРА обсудил и принял конкретные решения по многим жизненно важным хозяйственным и социальным вопросам. Один лишь их перечень за указанный период занял бы довольно много места. Поэтому ограничимся здесь упоминанием только наиболее показательных из них. В частности, в преддверии весенней посевной кампании в различные районы страны было доставлено и распределено между крестьянами 8272 тонны химических удобрений и 879 тонн сортовых семян (в 1980 г. из Советского Союза на безвозмездной основе должно было поступить 10 тыс. т химудобрений, 5 тыс. т сортовых семян пшеницы и 2 тыс. т сортовых семян хлопка); повышены закупочные цены на хлопок-сырец и сахарную свеклу соответственно на 20 и 30 процентов и выделены крестьянам через банки кредиты (так, Банк сельскохозяйственного развития в 1980 году предоставил крестьянским кооперативам кредиты на сумму около 4 млрд. афгани); снижены цены на распределяемые среди крестьян семена, удобрения и сельхозинвентарь (так, цена за мешок химудобрений была снижена с 500 до 400 афгани); в столичной и ряде других провинций крестьянам были проданы по сниженным ценам (за 10 процентов от их стоимости) легкие трактора с рассрочкой выплаты в течение трех лет; по соглашению с советской стороной было намечено создание четырех механизированных сельскохозяйственных станций и строительство плотины и водохранилища на р. Кокча (север Афганистана); приняты решения о возведении восьми жилых многоквартирных корпусов для сотрудников министерства торговли в Мазари-Шарифе, Пули-Хумри и Герате, а также о строительстве в столице для бездомных семей 3500 двух- и пятикомнатных благоустроенных квартир в трех-, четырех- и пятиэтажных домах; закуплено в СССР 367 грузовых автомобилей общей стоимостью 9,5 млн. руб., предназначенных в основном для транспортировки грузов от советско-афганской границы; проведены значительные работы по улучшению снабжения населения столицы и других городов питьевой водой на основе использования кредита в 2,259 млн. долл., выделенных на эти цели Чехословакией; направлено 3,55 млн. долл., предоставленных ОПЕК на продолжение строительства дороги Гильменд-Яхчаль-Дишу; подписаны с Советским Союзом соглашение о предоставлении ДРА финансовой помощи в 1980 году на сумму 100 млн. руб. для закупки потребительских товаров (пшеницы, сахара, текстиля, пищевых масел и пр.), протокол о товарообороте на 1980 год на сумму 5 млн. долл., контракты на экспорт в СССР природного газа и импорт нефтепродуктов, на поставку оборудования, запчастей и расходных материалов на сумму 5,319 млн. долл. для газопромысла Джаркудук (провинция Джаузджан), Джангалакского авторемон-механического завода (962,8 тыс. долл), завода азотных удобрений в Мазари-Шарифе (1,822 млн. долл.), Государственной типографии (625 тыс. долл.), ТЭЦ в Мазари-Шарифе (47,9 тыс. долл.); подписано соглашение о технико-экономическом сотрудничестве в области связи и энергетики с Германской Демократической Республикой на основе предоставленного ею афганской стороне кредита на сумму 20 млн. долл.; принято решение о возвращении движимого и недвижимого имущества, конфискованного после апреля 1978 года, их законным владельцам, если они возвратятся на родину и проявят лояльность к существующему в стране режиму; предприняты конкретные меры по улучшению работы средств массовой информации, учреждений здравоохранения, системы образования, сферы обслуживания и многое другое [13].

Среди многих прочих проблем правительство Б. Кармаля особое значение, конечно же, придавало решению аграрного вопроса, ибо понимало, что от него в сугубо крестьянской стране во многом зависели успехи в осуществлении намеченных прогрессивных преобразований в обществе, подъеме экономики, решении продовольственной проблемы и задач в социальной сфере. От положительного решения этого же вопроса, в конечном итоге, зависело и восстановление мира и безопасности на афганской земле. Именно такое понимание места и роли аграрного вопроса побудило новое афганское руководство в числе его самых первых общенациональных форумов провести 26–27 февраля 1980 года Первую сельскохозяйственную конференцию ДРА. В ней приняли участие представители крестьян, землевладельцев, скотоводов, ответственные работники центральных и местных органов власти и управления, учение, служители культа. Б. Кармаль, выступая на

конференции с большой речью, обрисовал плачевное состояние аграрного сектора экономики и посетовал на отсутствие у правительства научно обоснованной программы развития сельскохозяйственного производства на ближайшее время [14].

Далее Б. Кармаль повторил известный тезис НДПА о необходимости «ликвидировать остатки отживших феодальных и дофеодальных отношений, установить вместо них справедливые и цивилизованные отношения, отвечающие духу времени, и освободить трудящихся страны от пут рабства». Вместе с тем он ни словом не обмолвился о конкретном механизме осуществления данной установки, что свидетельствовало о неготовности его правительства (да и боязни еще большего обострения обстановки в стране и нежелания по фракционным соображениям) к проведению в тот момент глубоких преобразований в аграрной сфере. В этой речи было лишь обещано определенное материальное, техническое и финансовое содействие крестьянам в проведении предстоящей весенней посевной кампании (причем в основном за счет получения советской безвозмездной помощи), а также заявлено, что крестьяне могут свободно докупать землю до установленного потолка землевладения – 30 джерибов (6 га). Только 9 августа 1981 года, т.е. более чем через полтора года после прихода к власти этого правительства, президиумом Ревсовета ДРА был принят Указ «О дополнении № 1 к Указу № 8», а в декабре – «Закон о воде». Принятием данных законодательных актов были внесены важные дополнения и уточнения в порядок проведения в стране земельно-водной реформы. Следует заметить, что такое откладывание «на потом» аграрных преобразований делало политические позиции НДПА крайне уязвимыми, более того, значительно сужали ее возможности влиять на обстановку в деревне.

Руководство НДПА еще раз возвратилось к аграрному вопросу в апреле 1980 года в «Тезисах ЦК НДПА ко второй годовщине Саурской революции», где, подчеркнув снова важность демократической земельной реформы, обозначило лишь общие, концептуальные подходы к ее проведению. Представляется, что в сложившейся тогда в Афганистане внутриполитической обстановке весьма существенным было заявление о том, что «Земельная реформа не ликвидирует частную собственность на землю» и что «Разумное ограничение земельных владений в одних руках преследует лишь одну цель – создать условия труда в сельском хозяйстве, которые соответствуют социальной справедливости и канонам священной религии ислам» [15]. Это заявление выбивало из рук недругов кабульского режима расхожий пропагандистский козырь о том, что он (данный режим) попирает-де священное право частной собственности.

16 марта 1980 г. Совет министров ДРА обсудил и принял бюджет, а 6 мая – и план социально-кономического развития на 1359 г.х. (21 марта I980 – 20 марта 1981 г.). Представляя бюджет на утверждение Революционного совета ДРА, правительство отметило, что ему удалось вовремя подготовить сбалансированный, бездефицитный и без получения займа в Да Афганистан банке бюджет, «несмотря на огромные, понесенные страной финансовые и экономические потери в результате диверсионных актов внутренней и региональной реакции, международного империализма и политики террора и репрессий кровожадного Амина» [16]. Предусматривалось, что поступления в бюджет в целом составят в течение финансового года 33 759,085 млн. афгани (примерно 674,8 млн. долл. по курсу на март 1981 г.), из которых 23 478 млн. афгани (469,3 млн. долл.) – за счет собственных внутренних источников, 1735 млн. афгани (34,7 млн. долл.) – за счет реализации поставляемых Советским Союзом потребительских товаров и 8546, 085 млн. афгани (170,8 млн. долл.) – за счет кредитов и иностранной помощи на объекты развития (большая их часть должна была поступить из СССР).

Забегая вперед, скажем, что итоги исполнения бюджета на 1359 год оказались более или менее благополучными. Реальные доходы превысили плановые наметки на 1306,8 млн. афгани. Правда, это увеличение доходов было связано в основном с повышением цены на экспортируемый в СССР природный газ (поступления от экспорта газа составили в этом году 9149 млн. афгани по сравнению с 3875 млн. афгани в 1358 г.х.) и увеличением таможенных доходов (они составили в 1359 г. 7497 млн. афгани). Расходы же

оказались меньше запланированных на 2066,8 млн. афгани [17].

Однако, не успев начать, бесспорно, столь необходимую для отсталой страны созидательную работу, новые власти Афганистана столкнулись лицом к лицу с жестокой реальностью – антиправительственным сопротивлением внутренней оппозиции, щедро финансируемой и поддерживаемой извне. Уже 21 февраля, т.е. менее чем через два месяца после смены власти в стране, в Кабуле вспыхнул вооруженный, хорошо организованный мятеж, получивший позже в западных исследованиях по Афганистану название «движение Аллах-акбар» («Аллах велик») [18]. Его главными вдохновителями и организаторами стали радикальная прокитайская «Организация освобождения народа Афганистана» (более известна как САМА – аббревиатура на дари) во главе с ее лидером, таджиком Абдул Маджидом Калакани [19] и некоторые фанатично настроенные духовные авторитеты. Мошеннически играя на религиозных чувствах верующих, они вывели 21 февраля на улицы Кабула возбужденные толпы «базара» и городских низов, представлявших в основном хазарейское население столицы. Первоначально центром их выступления явился так называемый «старый город» и примыкающая к нему улица Майванд – обиталище обездоленной и нищей части Кабула. Выкрикивая антиправительственные и антисоветские лозунги, они начали забрасывать камнями, перевертывать и поджигать автомашины, врываться в жилые дома, громить и грабить магазины, рестораны, отели. Ими были предприняты попытки захватить столичный хлебокомбинат и устроить погром в Кабульском университете. Подвергся поджогу известный в Кабуле книжный магазин «Байхаки». Когда же для тушения пожара в одном из отелей, прибыла пожарная команда, по ней был открыт огонь из автоматов. О том, что мятеж не был стихийным бунтом городского нищего населения, а был заранее спланированной и подготовленной антиправительственной акцией, говорит тот факт, что с самого ее начала по городу разбрасывалось огромное количество отпечатанных типографским способом листовок с призывами к всеобщему восстанию и угрозами физической расправы над лояльными режиму элементами.

В ночь с 21 на 22 февраля организаторы мятежа, стараясь придать ему массовый и внешне впечатляющий характер, прибегли к методу действий, опробованному, как подметил пакистанский автор Раджа Анвар, в Пакистане в 1977 году в ходе борьбы за свержение правительства З.А. Бхутто. С наступлением темноты с крыш домов «старого города» раздались призывы «Аллах-акбар», переросшие через мгновение в сплошной гул неистовых выкриков. Они были многократно усилены с помощью мощных громкоговорителей, установленных на крышах домов в различных пунктах города. Естественно, все это не могло не оказывать огромного психологического воздействия на верующих. Одновременно по городу разбрасывались и расклеивались подстрекательские листовки с призывами к всеобщему восстанию и ложными утверждениями о победе–де подобных восстаний в различных городах страны.

Чтобы прекратить бесчинства, грабежи и поджоги, власти вынуждены были вывести на улицы столицы танки и бронетранспортеры и применить силу. В результате имели место многочисленные жертвы среди населения и разрушения. Сотни активных участников бунта были арестованы (только с 1 по 9 марта, по официальным афганским данным, в ходе следствия были освобождены 468 человек, арестованных по делу об участии в февральских событиях в столице) [20]. Среди арестованных оказалась и иностранная агентура – американский гражданин Роберт Ли, агент ЦРУ, и 16 пакистанцев [21]. Летом 1980 года был арестован, приговорен Чрезвычайным революционным судом к смерти и позже казнен А.М. Калакани. Вслед за подавлением мятежа по решению властей стали повсеместно создаваться вооруженные отряды самообороны из числа рабочих, служащих, учащейся и студенческой молодежи с целью обеспечения безопасности населения, охраны предприятий и учреждений и недопущения террористических и диверсионных актов.

Провал мятежа в столице и неудачи в проведении подобных акций в других городских центрах не остановили противников режима в их попытках дестабилизировать по-

ложение в стране и дискредитировать «кабульский коммунистический режим». В апреле большой общественный резонанс получили волнения учащихся столичных женских лицеев. Поводом для этого послужили распространенные в школах и лицеях фотокопии подметного письма, написанного-де афганской студенткой в Москве. В нем говорилось, что она и еще восемь других афганских студенток были подвергнуты в одной из экспериментальных московских лабораторий насильственному зачатию с целью выведения новой гибридной расы людей. Далее в письме утверждалось, что, если советские кафиры не будут изгнаны из Афганистана, то такая же участь постигнет каждую афганскую женщину. Прочтя «письмо» и поверив в его содержание, негодующие лицеистки вышли на улицы. Их демонстрации, продолжавшиеся три дня, в известной мере дезорганизовали жизнь столицы. Не обошлось и без столкновений с силами охраны порядка. Не успели остыть страсти вокруг указанного «письма», как женские лицеи были потрясены массовым отравлением школьниц питьевой водой. Десятки из них были доставлены в больницы в бессознательном состоянии, где несколько из них скончались. В распространенных по городу подпольных листовках вся вина за происшедшее возлагалась на правящий режим и объявлялось, что это-де есть акт мести но отношению к школьницам за их антиправительственные выступления. В действительности же, как выяснилось чуть позже, и вымышленное «письмо», и массовое отравление, и провокационные листовки явились делом рук диверсионной группы Исламского общества Афганистана в составе 45 афганских граждан, под руководством иранского наемника Мохсена Резаи. Арестованный в июне 1980 года, он полностью признал вину за содеянное [22].

Однако к осени 1980 года стало совершенно очевидным, что ставка вооруженной оппозиции на использование массовых городских антиправительственных акций в качестве формы борьбы с режимом не оправдалась как из-за усилившейся неприязни горожан к организациям «джихада», снискавшим себе недобрую славу убийц, насильников и грабителей, так и в результате постепенного роста доверия к новым властям со стороны большинства городского населения и осознания им своей безопасности только под прикрытием военных правительственных гарнизонов. Весьма показательной в этом отношении явилась попытка антиправительственного подполья в октябре 1980 года спровоцировать волнения в столице. С этой целью были распространены листовки с призывом к студентам и учащимся объявить забастовку и не приходить на занятия, а к торговцам – закрыть лавки «в знак протеста» против деятельности властей. Однако ни учебные заведения, ни базар никак не среагировали на данный призыв: занятия не прерывались на всех 13 факультетах университета и в столичных школах и лицеях, бойко продолжал торговать и кабульский базар. С указанного времени инициатива в организации и проведении внушительных массовых митингов и демонстраций в городских центрах – Кабуле, Джалалабаде, Газни, Мазари-Шарифе, Гардезе и др. – полностью перешла к властям. Им удавалось выводить на улицу, особенно в столице, в поддержку правительственного курса десятки и сотни тысяч человек. Иначе дело обстояло за пределами крупных городских центров. К весне 1980 года была утрачена государственная власть в 181 уезде и волости (из 286 существовавших тогда в стране уездов и волостей), т.е. в более чем 63% низших административных единицах. Вооруженной оппозицией были полностью блокированы 5 из 29 центров провинций. Практически ни одна из провинциальных администраций не контролировала всю деревенскую зону. На территории, не подвластной Кабулу, создавались свои органы власти – «исламские комитеты», численность которых к лету 1980 года достигла двухсот [23].

На фоне прогрессирующей утраты Кабулом контроля над периферией представлялся событием большой общегосударственной важности переход на сторону властей весной 1980 года общины афганских исмаилистов, проживающих преимущественно на северо-востоке Афганистана, в районе перевала Саланг и провинциях Баглан и Бадахшан, и насчитывающих, по некоторым данным, до миллиона человек. Их лидер Сеид Мансур Надери выступил по афганскому телевидению и призвал своих приверженцев поддержать официальный Кабул. Вскоре на территории их проживания начали ускоренно формиро-

ваться отряды защиты революции, превратившиеся со временем в сильные, хорошо вооруженные иррегулярные полки и дивизии. Все последующие годы афганского кризиса они обеспечивали не только безопасность населения на значительной территории северо-востока Афганистана, но и вели успешную борьбу против антиправительственных вооруженных формирований.

Вооруженная оппозиция, оценивая благоприятно складывающуюся для себя обстановку в противоборстве с властями и получая щедрую помощь и поддержку из–за рубежа, продолжала усиливать военное давление на Кабул. Ужесточились с ее стороны минная война, бандитизм и грабеж на коммуникациях. Постоянным явлением становились ночные разбойные рейды и нападения бандформирований на населенные пункты, остававшиеся под властью кабульского режима, ракетные и минометные обстрелы городов и военных гарнизонов, взрывы и диверсии на важных народнохозяйственных объектах, террористические акты против партийных деятелей и государственных служащих и всех лояльных режиму лиц, особенно учителей и служителей культа. «Охота» на последних принимала прямо-таки маниакальный характер. Только в 1980–1981 гг. зверски были убиты члены Высшего совета улетов и духовенства ДРА (ВСУД) маулави Насрулла Гардези, Сеид Мухаммад Амин Садар, Сеид Камаль Аббаси, маулави Рахматулла, маулави Абдул Хаким Джаузджани, маулави Асадулла Насрат Андхой, маулави Абдул Маджид, сотрудник аппарата ВСУД мулла Абдул Вахаб и многие др. [24]. В целом же только до конца 1983 года от рук бандитов погибли до 200 служителей культа, [25] единственная вина которых состояла в поддержке правительственного курса и осуждении террора и насилия над мирным населением, творимых «борцами за веру».

По мере того, как сельская периферия все больше и больше превращалась в арену кровопролитных военных действий между различными противоборствующими силами, тем большие масштабы приобретал исход беззащитного населения в поисках спасения своей жизни в соседние страны, прежде всего в Пакистан и Иран. По данным Верховного комиссара ООН по делам беженцев, только в Пакистан за один год, с 31 декабря 1979 по 31 декабря I980 г., бежало более миллиона человек. Причем среднемесячный приток афганских мигрантов в эту страну за указанный период составлял 85512 человек [26]. В основном это были представители беднейших слоев населения – крестьяне, скотоводы-кочевники, ремесленники, кустари. Проблема беженцев предстала для нового афганского руководства не только как сложная и злободневная общенациональная проблема, но и как важный внешнеполитический аспект урегулирования положения вокруг Афганистана.

В той крайне непростой внутриполитической ситуации правительство Б. Кармаля стремилось быстрее, насколько это было возможно, выработать и обнародовать стратегическую программу своей деятельности и заложить законодательные основы существующей власти. Данные устремления были реализованы в таких государственных и партийных политических документах, как «Тезисы Центрального комитета Народно–демократической партии Афганистана ко второй годовщине Саурской революции» (апрель 1980 г.) и «Основные принципы Демократической Республики Афганистан» (последний документ был утвержден Ревсоветом ДРА 14 апреля и введен в действие с 21 апреля 1980 г. [27]).

Тезисы ЦК НДПА явились, по сути дела, временной программой действий партии и правительства ДРА на ближайшую и отдаленную перспективу. В них после характеристики событий апреля 1978 года как поворотного пункта в истории Афганистана и как начала национально-демократической революции, призванной создать новый тип власти в стране, и после резкой критики ошибок, просчетов и перегибов периода 1978–1979 гг. были определены основные задачи государства в области внутренней и внешней политики, как-то: в сфере экономики, социальных и национальных отношений, политической системе общества, отношений к религии и т.д. В области международных отношений была подтверждена приверженность принципам мирного сосуществования, неприсоединения и интернациональной солидарности, целям и принципам Устава ООН и готов-

ность развивать отношения дружбы и взаимовыгодного сотрудничества со всеми странами и в первую очередь с соседями [28].

Что же касается «Основных принципов ДРА», то они представляли собой временную конституцию страны. Она состояла из 10 глав, включавших 68 статей. В первой главе указывалось, что «Демократическая Республика Афганистан есть суверенное и демократическое государство всего трудового мусульманского народа Афганистана» (ст. 1) [29], что «Государство служит благу и счастью народа и обеспечивает его мирную жизнь, безопасность и спокойствие, всестороннее развитие человека, защиту его прав, имущества, достоинства, охрану национальных обычаев и традиций. Государственная власть в Демократической Республике Афганистан принадлежит трудящимся города и деревни, которые осуществляют ее через общенациональные и государственные местные органы, образуемые демократическим путем» (ст. 2); и что «власть трудящихся в ДРА опирается на широкий Национальный отечественный фронт» (ст. 3). В статье 4, узаконивавшей однопартийную систему в стране, было подчеркнуто, что НДПА «является руководящей и направляющей силой общества и государства». Заслуживает внимания статья 5, определяющая место и роль религии ислам в обществе и государстве. Привожу ее полностью: «В Демократической Республике Афганистан обеспечиваются уважение и защита священной религии ислам; всем мусульманам гарантируется и обеспечивается полная свобода в отправлении религиозных обрядов ислама.

Лица других вероисповеданий имеют полную свободу отправления своих религиозных обрядов, которые не угрожают общественному спокойствию и безопасности страны.

Никто не имеет права использовать религию в целях антинациональной и антинародной пропаганды и совершения иных действий, враждебных интересам ДРА и народа Афганистана.

Государство будет оказывать помощь и содействие патриотической деятельности духовенства и улемов в выполнении их долга и обязанностей».

Таким образом, указанная статья законодательно закрепляла свободу совести в стране и демонстрировала защиту и поддержку религии ислама и патриотического духовенства, чем выбивала почву из-под ног недругов кабульского режима, обвинявших его в еретизме и намерениях запретить верующим мусульманам исповедовать ислам.

В соответствии с официально высказанным ранее афганскими лидерами намерением создать и укрепить демократические основы общества, «Основные принципы» зафиксировали право граждан объединяться и создавать профсоюзы, женские и молодежные организации, научные и культурные общества и другие массовые общественные демократические организации (ст. 6). Госвласть брала на себя обязанность проводить «политику равноправия, братской дружбы и всестороннего развития всех, больших и малых, народов и племен, проживающих в Афганистане», и гарантировала их законные права и свободы (ст. 7). При этом особо было подчеркнуто, что «государство поддерживает патриотическую роль вождей, старейшин, всех членов племен страны в деле обеспечения мира, братства, спокойствия и защиты границ Демократической Республики Афганистан и населенных ими районов и будет всемерно содействовать осуществлению этой благородной деятельности» (ст. 9).

В статьях 10-16 «Основных принципов» были изложены основы внешней политики ДРА и отмечено, что государство «выступает за справедливое и мирное решение на основе доброй воли и принципов мирного сосуществования всех нерешенных проблем, которые существуют между государствами – соседями региона» (ст. 13).

Временная конституция ДРА признавала законное существование в стране различных форм собственности – государственной (общенародной), кооперативной, частной и личной – и обязывала государство охранять и оберегать их (ст. 17). В статье 19 указывалось, что «государство признает и гарантирует собственность крестьян и других землевладельцев на землю в соответствии с положениями закона» и что оно «осуществляет меры по проведению демократических преобразований в сельском хозяйстве в интере-

сах широких трудящихся масс крестьян и при их активном участии». В новых условиях Афганистана (после памятных аминовских необоснованных конфискаций) особый смысл приобретала статья 22, гласившая: «государство охраняет и защищает частную собственность ... Собственность не может быть изъята у ее владельца, за исключением случаев, предусмотренных законом, с выплатой справедливого возмещения».

«Основные принципы» предоставляли гражданам страны широкие демократические права и свободы: право на жизнь, полную свободу отправления исламских религиозных обрядов и своих обрядов приверженцами других религий, право на труд, получение медицинской помощи, бесплатное среднее, высшее и специальное образование и обучение на родном языке, свободное и открытое выражение взглядов, право на проведение собраний и мирных демонстраций, а также право на объединение в прогрессивно–демократические общественные организации, неприкосновенность жилища, право на обращения с коллективными и личными жалобами в соответствующие государственные органы и т.д. (статьи 27-34).

В «Основных принципах ДРА» была сохранена прежняя структура государственной власти и управления: традиционная Лоя джирга, Революционный совет ДРА как высший орган власти, Совет министров ДРА. Порядок их формирования, функции и полномочия изложены в главах 3-5. Что касается местных органов власти и управления, то во временной конституции были заложены основы их реформирования, суть которого заключалась в образовании демократическим путем на всех местных уровнях от провинции до деревни, представительных органов власти – джирг (советов) и исполнительных органов государственной власти и управления в лице исполнительных комитетов – «хейят-е эджраяви» (ст. 51 и 52). Отдельные главы были посвящены судебной системе и деятельности судов (гл. 7), прокуратуре (гл. 8), описанию государственных герба и флага (гл.9; официальное поднятие нового трехцветного государственного флага состоялось в торжественной обстановке у стен Арга 21 апреля 1980 г.).

Законодательно–юридически оформив новый режим и определив основные направления его деятельности, власти ДРА уделили большое внимание разработке законов и положений, упорядочению старых и создаю новых госструктур, которые бы могли обеспечить нормальное функционирование всего государственного механизма и жизнь общества. В числе первых были приняты «Закон об общих принципах организации и деятельности министерств Демократической Республики Афганистане» (21 мая 1980 г.), «Закон о специальном революционном суде» (апрель I980 г.), «Закон о судах в вооруженных силах» (5 мая 1980 г.), «Закон о государственном предприятии» (август 1980 г.), постановление политбюро ЦК НДПА «Об укреплении революционной законности» и др. Были образованы Главное управление по делам ислама при Совете министров ДРА (15 июля I980 г.), [30] Главное управление по труду и социальным вопросам (июль 1980 г.), Главное управление по руководству и организации работы местных органов государственного управления (12 октября 1980 г.), Экономический консультативный совет при правительстве ДРА (20 августа I980 г.), [31] в который вошли представители торгово–промышленных кругов и ремесленники, и др.

С учетом положений статьи 19 временной конституции министерство сельского хозяйства и земельной реформы ДРА с конца апреля 1980 г. начало направлять в провинции группы своих ответственных работников для уточнения на местах размеров и оценки землевладений и выдачи официальных документов на земельную собственность. Получив указанные документы, землевладельцы могли на законном основании покупать и продавать земельные участки, передавать их по наследству и осуществлять с ними другие операции, в том числе и отдавать под залог [32]. Однако эти меры были лишь мелким эпизодом в аграрной политике правительства Б. Кармаля. Пока еще им не были разработаны основополагающие законодательные документы, необходимые для решения в комплексе аграрно-крестьянского вопроса. Затяжка с его решением, как уже отмечалось, объективно приводила к сужению социальной базы режима в деревне, отдавала сельских жителей без борьбы за них в руки вооруженной оппозиции и практически делала нере-

альными планы подъема сельскохозяйственного производства и решение злободневной продовольственной проблемы.

В условиях многонационального Афганистана не менее значимым, чем аграрно-крестьянский вопрос, всегда был и остается до сих пор национальный вопрос. Учитывал это, НДПА с момента ее образования неизменно ставила его в число самых первостепенных своих задач. Был он поставлен и в «Основных принципах ДРА». В частности, в них указывалось, что целью государства в национальном вопросе «является ликвидация неравенства в уровнях экономического, социального и культурного развития всех районов страна» и что оно (государство) будет охранять и развивать «все лучшее и ценное в культурном наследии и традициях всех национальностей, народностей и племен страны» (ст.7).

Вместе с тем в цитируемом документе был и ряд умолчаний, дававших противникам режима пищу для разного рода политических спекуляций. Так, в нем оказалась опущенной формула, характерная для прежних, королевской и даудовской, конституций и гласившая, что каждый из граждан страны является афганцем. Нетрудно было предположить, что отсутствие такой декларации будет негативно воспринято пуштунами (афганцами) – авторами афганской государственности. В «Основных принципах» не было также зафиксировано существовавшее с 30-х годов XX в. положение о двух государственных языках – дари и пушту. Это давало повод говорить о некоем скрытом замысле официального, таджикизированного Кабула ущемить национальные (языковые) права пуштунов и навязать в официально-деловой сфере использование одного языка – языка дари.

В течение 1980 года (как, впрочем, и в последующие годы) НДПА и правительство ДРА так и не нашли возможности разработать всеобъемлющую программу по национальному вопросу и дать ответ на критику и требования политических оппонентов, включая и левые легальные и полулегальные организации и группировки – Авангардную организацию молодых рабочих Афганистана (АОМРА), Революционную организацию трудящихся Афганистана (РОТА), Революционные бригады народа Афганистана и др., состоявшие преимущественно из представителей национальных меньшинств. Они настойчиво предлагали решить национальный вопрос на основе права наций на самоопределение, через создание в стране национальных автономных республик [33].

Отмечая «узкие» места в национальной политике ДРА, нельзя, вместе с тем, не признать того неоспоримого факта, что правительство Б. Кармаля в своей практической деятельности никогда не рассматривало национальный вопрос как второстепенный и постоянно прилагало немалые усилия для его решения с учетом складывавшейся в стране обстановки, принципа целесообразности и возможностей государства. Для оздоровления ситуации в межнациональных отношениях (прежде всего в «зоне племен») многое сделали в рассматриваемое время видный деятель партии и государства, министр по делам границ и племен Файз Мухаммад (убит 11 сентября 1980 г. во время одной из поездок в Пактию), а затем известный афганский поэт, министр по делам народностей и племен ДРА Сулейман Лайек [34]. Их усилиями налаживались контакты и сотрудничество со многими племенами и народностями Афганистана и с их влиятельными лицами, разрешались острые межнациональные и межплеменные противоречия, оказывалась значительная экономическая, материальная и финансовая помощь племенам и отсталым районам проживания национальных меньшинств, успешно нейтрализовывались действия противников национального согласия в стране, проводилась большая работа среди племен и народностей по их склонению на сторону правительства и укреплению доверия к центральной власти на местах и т.д. Продолжались издание на языках национальных меньшинств газет «Собх» (на белуджском языке), «Юлдуз» {на узбекском) и «Гораш» (на туркменском) и произведений литературы национальных авторов, а также передачи по каналам Кабульского радио национальных программ. В местах компактного проживания нацменьшинств обучение в школах велось на родном языке.

Как уже отмечалось, партийно-государственное руководство, возглавляемое Б. Кармалем, получило от своих предшественников весьма ограниченную социальную базу

власти. Чтобы расширить ее и укрепить таким образом устои режима, оно развернуло большую организационно-политическую работу, принявшую характер массовой кампании, по сплочению вокруг себя всех национально-патриотических сил, включая влиятельные слои национальной буржуазии, духовенства, племенных авторитетов, представителей интеллигенции и других слоев, классов и социальных групп населения. Эта работа особенно активизировалась после принятая «Основных принципов ДРА».

24 мая 1980 года в Кабуле состоялся первый съезд учителей Афганистана. На нем присутствовали 400 делегатов. Они представляли учительский корпус всей страны, насчитывавший к этому времени немногим более 40 тысяч человек. Съезд обсудил актуальные проблемы школьного обучения и воспитания, ликвидации неграмотности и постепенного реформирования системы просвещения в стране [35]. По официальным афганским данным, в 1359 году (1980–1981 г.) в ДРА действовала 4231 школа (из них 3602 – мужские и 629 – женских), в которых обучалось 1 192 624 чел. (988 867 или 82,9 % – мальчиков и 203 757 – девочек). Большинство из указанных школ (3808 или 90 %) являлись начальными. Удручающую картину представляла их учебно-материальная база: катастрофически не хватало учебников и учебных пособий; значительная часть школ не имела соответствующих зданий (занятия проводились на открытом воздухе, на специально оборудованных площадках). По данями ЮНЕСКО и афганского правительства, в 1978 году из 3419 начальных школ, функционировавших в сельской местности, 658 не имели крыши над головой, 655 размещались в мечетях, а оставшиеся 2106 школьных зданий никоим образом не отвечали принятым стандартам школы (320 из них размещались, к примеру, в домах, арендованных у местных жителей). Такое плачевное положение еще более усугублялось действиями бандформирований, сделавших школы своим целенаправленным объектом нападений. В 1982 году ими было разрушено в сельской местности 1812 начальных школ (т.е. 86% всех школ). На их восстановление в 1980–1982 гг. власти израсходовали примерно 200 млн. афгани (около 4 млн. долл.) [36].

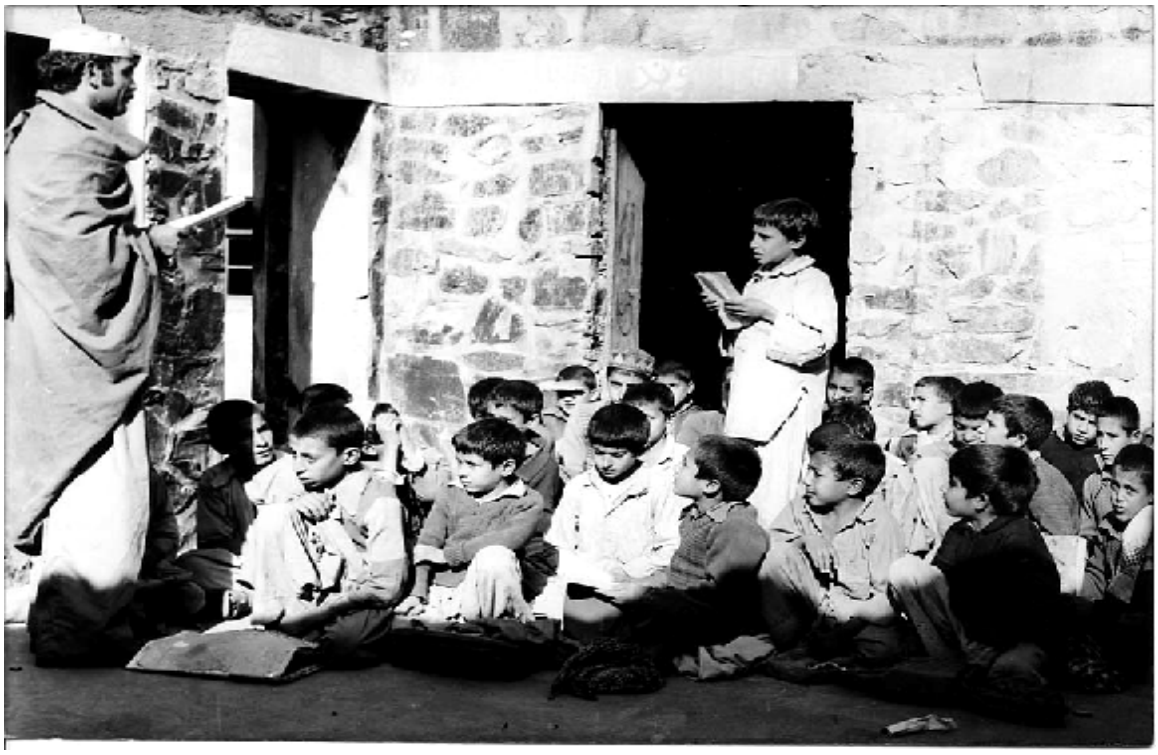
В 1980 году в Афганистане действовали 4955 курсов по ликвидации неграмотности (без учета подобных курсов в вооруженных силах и царандое).На них обучались 137 325 чел. и были заняты 2951 учитель и 211 методистов [37].

16 июня 1980 г. в Кабуле открылся первый в истории Афганистана съезд медицинских работников, в работе которого приняли участие 563 делегата. В течение двух дней они обсуждали состояние здравоохранения в стране, меры по расширению системы бесплатного медицинского обслуживания, улучшению санитарно-гигиенических условий жизни населения и борьбе с широко распространенными в Афганистане инфекционными и паразитарными заболеваниями. Была отмечена также необходимость улучшения условий жизни медицинских работников [38].

Положение в системе афганского здравоохранения по-прежнему оставалось крайне плачевным. В стране, по данным на 1980 год, имелись лишь 84 больницы на 6139 коек (одна койка на 3,3 тыс. жителей), 1121 врач (один врач на 12 тыс. жителей) и 60 государственных и 593 частных аптек. Медицинский персонал насчитывал всего 3680 работников. При этом основная часть врачей (716 чел.) и медперсонала (2324 чел.) были сосредоточены в Кабуле [39].

Широкая общественность Афганистана благожелательно встретила проведение 30 июня 1980 года в столице, во дворце Салам-хана, первой в истории страны конференции улемов и духовенства, в которой приняло участие более 800 человек. На ней с большой речью выступил Б. Кармаль. В принятой резолюции делегаты конференции выразили полную поддержку и одобрение правительственного курса по отношению к религии, резко осудили действия вооруженной оппозиции, убивающей своих соотечественников под лживым лозунгом «священной войны», а также кампанию дезинформации, проводимую Западом и некоторыми странами региона по вопросу о положении ислама в ДРА, и призвали всех служителей культа разоблачать и осуждать происки врагов Апрельской революции. Конференция приняла решение об образовании Высшего совета улемов и духовенства (он был сформирован 21 апреля 1981 г.). В конце работы конференции был

зачитан указ Ревсовета ДРА о создании в составе правительства страны Главного управления по делам ислама [40]. Председателем Высшего совета улемов и духовенства стал известный религиозный и общественный деятель доктор Мухаммад Сеид Афгани, [41] а его заместителем – один из лидеров афганского шиизма, в свое время в Неджефе (Ирак) написавший под руководством аятоллы Р.Хомейни богословский трактат («ресале»), Сеид Мухаммад Али Шах Таваккoли.



Типичная деревенская школа в Афганистане.

Руководство НДПА и ДРА отводило большую роль афганским профсоюзам, рассчитывая через них привлечь на свою сторону широкие слои трудящихся – рабочих, служащих, ремесленников и интеллигенции и решить многие проблемы жизни общества, включая и вопросы стабилизации обстановки в стране. Уже в январе 1980 года по решению ЦК НДПА был сформирован новый состав Центрального совета профсоюзов Афганистана (ЦСПА) в составе 15 человек (в июле он был расширен до 25 чел.). Его председателем был назначен известный профсоюзный деятель, член НДПА, белудж по национальности Абдуссатар Пурдели. На тот момент афганские профсоюзы насчитывали в своих рядах 44 тыс. членов, входивших в 72 первичные организация (из них 61 организация функционировала в Кабуле и столичной провинции, пять – на промышленных предприятиях провинции Балх и шесть организаций – в провинции Джаузджан). В начале следующего года в афганских профсоюзах числилось уже 160 тыс. человек, из которых 130 тыс., или 80 процентов, входили в 500 первичных организаций, действовавших под руководством провинциальных советов профсоюзов. 25 тыс. членов профсоюзов объединялись в организации, не имевшие провинциального звена руководства, и функционировали на территории 19 промышленно развитых провинций [42].

17 июля 1980 года в Кабуле состоялся первый в истории Афганистана пленум ЦСПА, призвавший трудящихся страны к защите родины от происков врагов революции, к повышению производительности труда, укреплению единства в своих рядах, Месяц спустя, 16 августа, политбюро ЦК НДПА обсудило вопрос о роли и задачах профсоюзов ДРА и в принятом решении подчеркнуло необходимость создания профсоюзных организаций не только на государственных и смешанных предприятиях, но и в частном секторе,

включая ремесленное и кустарное производства. Перед профсоюзами в числе главных задач их деятельности были поставлены следующие: борьба за улучшение условий труда и жизни трудящихся и решение проблем безработицы, особенно среди молодежи; повешение эффективности общественного производства и поддержка передовых форм и методов коллективного труда; мобилизация трудящихся на борьбу против саботажа, произвола и диверсий контрреволюции. Указанные задачи были вынесены на обсуждение второго пленума ЦСПА, состоявшегося 20 декабря 1980 г.

С 3 по 7 марта 1981 года был проведен первый съезд афганских профсоюзов, знаменовавший собой завершение периода организационного становления этой массовой организации. В его работе приняли участие 500 делегатов из 27 провинций страны. На съезде в качестве гостей присутствовали 23 зарубежные делегации, в том числе и делегации Всемирной федерации профсоюзов и Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов СССР. Съезд принял устав афганских профсоюзов и избрал новый состав их руководящих органов.

Кабул, 1983 г. Б. Кармаль беседует с рабочим авторемонтного завода «Джангалак»

В сентябре-октябре 1980 года состоялись учредительные съезды творческих работников, на которых были созданы Союз журналистов Афганистана, Союз работников искусств и Союз писателей и поэтов ДРА [43]. Все они поставили своими целями бороться за сплочение афганской общественности в поддержку существующего режима, против врагов апрельской революции.

Создавая новую политическую систему общества, левый афганский режим стремился заручиться также поддержкой молодежи – этой наиболее политически активной, динамичной, мобильной и многочисленной силы в Афганистане. Данной цели должна была служить Общенациональная конференция Демократической организации молодежи Афганистана (ДОМА), проведенная в Кабуле 25–26 сентября 1980 г. В ее работе участвовали 600 делегатов, представлявших 50-тысячный отрад афганской молодежи, а также 53 иностранных гостя от более, чем 40 национальных, региональных и международных молодежных организаций. Конференция, конкретизировав задачи ДОМА на новом этапе своей деятельности, выделила среди них главную – мобилизацию широких масс моло-

дежи на защиту завоеваний апрельской революции.

Еще до созыва конференции первые отряды добровольцев – членов ДОМА влились в состав вооруженных сил (по официальным данным, численность членов ДОМА в армии к ноябре 1980 г. составила до 30 тысяч человек [44]), а в столице начали создаваться бригады по охране общественного порядка, в задачи которых входили не только обеспечение порядка и безопасности на улицах, но и регулирование дорожного движения, оказание населению первой медицинской помощи и т.п. По решению конференции была создана Организация пионеров Афганистана. Газета «Дерафш-е джаванан» («Знамя молодежи»), первый номер которой вышел 10 сентября 1980 г., стал печатным органом ЦК ДОМА. Был принят Устав ДОМА [45].

28–30 ноября 1980 г. в Кабуле прошла Общенациональная конференция женщин Афганистана. В ее работе приняли участив представители международных и национальных женских организаций из 20 стран мира. Созданная еще в 1965 году, Демократическая организация женщин Афганистана (ДОЖА) к моменту созыва данной конференции объединяла в своих рядах до 5 тыс. человек. На ней с большой речью выступила основательница ДОЖА и ее лидер Анахита Ратебзад. Делегаты форума, обсудив вопросы женского движения в стране, в принятой резолюции в числе важнейших выделили следующие задачи ДОЖА: создание низовых женских организаций по всей стране, в том числе и на сельской периферии; повышение роли афганских женщин в деле защиты завоеваний апрельской революции; их активное участие в реализации социально–экономических и культурных программ развития общества, прежде всего в кампании по ликвидации неграмотности и борьбе за равноправие женщин во всех сферах жизни: выступление с инициативой принятия новых законов, обеспечивающих права и свободы афганских женщин и т.д. [46].

Еще одним шагом на пути создания широкой политической системы общества явилось проведение 11–12 декабря 1980 года в Кабуле первого в истории страны съезда сельских кооперативов, на котором присутствовало более 650 делегатов. Они олицетворяли собой 183 тысячи крестьян и ремесленников из разных уголков страви, объединенных в 1217 сельских кооперативах с капиталом в 66 млн. афгани и владевших 147 тыс. га обрабатываемых земель. Съезд обсудил проблемы становления и дальнейшего развития кооперативного движения в стране и пути решения насущных задач социально-экономического развития афганской деревни. В принятом съездом приветствии в адрес высших органов власти ДРА была подчеркнута необходимость разработки и принятия закона о кооперативах и формирования союзов кооперативов на уездном и провинциальном уровнях, а также выражена полная поддержка усилиям НДПА по созданию в стране широкого национального отечественного фронта. В соответствии с решением съезда был образован Центральный совет кооперативных союзов Афганистана [47].

27 декабря 1980 года, ровно год спустя после прихода к власти правительства Б. Кармаля, в Кабуле открылась представительная конференция национальных и патриотических сил, явившая собой одно из завершающих мероприятий в развернутой с начала года кампании по созданию и укреплению социальной базы власти в лице массовых общественных организаций. В конференции участвовали представители различных слоев, классов, социальных, политических, национальных, религиозных и профессиональных групп населения – рабочие, крестьяне, ремесленники и кустари, военные, ученые, священнослужители, главы и авторитеты племен, национальностей и различных кланов страны, представители интеллигенции, национального капитала и деловых кругов. На конференции с большой речью выступил Б. Кармаль, в которой он подвел итоги деятельности его администрации за прошедший год и обосновал необходимость создания Национального отечественного фронта (НОФ), являющегося, как он выразился, «лучшей организационной формой объединения всех национальных и подлинно патриотических сил страны и их организаций». Конференция поддержала предложение о создании НОФ и образовала Высшую организационную комиссию в составе 44-х человек по подготовке и проведению учредительного съезда этого Фронта. [48] Председателем данной комис-

сии был избран Б. Кармаль. Национальный отечественный фронт был создан чуть позже, в июне 1981 года. Его коллективными членами первоначально стали: НДПА; профессиональные союзы Афганистана; Союз сельскохозяйственных кооперативов; Демократическая организация молодежи Афганистана; Демократическая организация женщин Афганистана; Союз писателей и поэтов Афганистана; Союз журналистов Афганистана; Союз работников искусств Афганистана; Организация мира, солидарности и дружбы Афганистана; Консультативный экономический совет; Торгово-промышленная палата ДРА; Высший совет улемов и духовенства Афганистана; Высший совет представителей племен.

Создание массовых общественных организаций в рассматриваемое время происходило на фоне общего ухудшения военно-политической ситуации внутри и вокруг Афганистана. Состояние афганских вооруженных сил, полученных в наследство от прежнего режима, было мягко говоря, удручающим. Именно они при халькистском руководстве (1978–1979 гг.) больше всего пострадали среди прочих государственных институтов как в результате возросших боевых потерь, многочисленных чисток и перетрясок, [49] так и сопутствующего им массового дезертирства. К январю 1980 года численность афганской армии уменьшилась более, чем в три раза по сравнению с началом 1978 года. Оставшиеся предположительно 30-40 тыс. человек военнослужащих были деморализованы и практически утратили способность защищать государственную власть. Весьма безотрадным был и морально-психологический климат в армейской партийной организации. Хотя она к началу 1980 года насчитывала до 9 тыс. членов (т.е. более 40 % всего состава НДПА того времени) и номинально была представлена членами одной фракции – халькистов, однако на деле не была единой, распавшись на сторонников и непримиримых противников Х. Амина. Что касается общего положения на фронтах борьбы против антиправительственной вооруженной оппозиции, то последняя, как уже отмечалось, прочно удерживала в своих руках военно-стратегическую инициативу.

1985 г. Север Афганистана. Женский отряд самообороны деревни.

В такой далеко не простой военно-политической ситуации задачи восстановления и укрепления боевой мощи национальных вооруженных сил и оздоровления морально-психологического климата в армейской среде выдвинулись в число самых насущных и

неотложных задач в деятельности правительства Б. Кармаля. Это нашло отражение в «Основных принципах ДРА», где в статье 8 подчеркивалось: «Государство будет принимать необходимые меры по укреплению вооруженных сил и царандоя, воспитанию их личного состава в высоком духе патриотизма и любви к родине, верности целям и идеалам Саурской революции…» [50]. Следует заметить, что решению указанных задач в тот момент исключительно благоприятствовало присутствие советских войск в Афганистане, взваливших на свои плечи в силу сложившихся обстоятельств главную тяжесть вооруженной борьбы с моджахедами.

В числе самых первых мер, которые новое афганское руководство предприняло в военной сфере, явилось назначение 29 декабря 1979 года министром обороны только что освобожденного из заключения подполковника Мухаммада Рафи, [51] а начальником Главного политического управления вооруженных сил ДРА подполковника Голь Ака (оба парчамисты; в апреле 1980 г. им было присвоено воинское звание генерал-майора). Вслед за этими назначениями началось очищение армейских рядов от ставленников Х. Амина. На ответственные командные и штабные посты в центральном аппарате и в войсках было выдвинуто большое число офицеров и генералов, преимущественно принадлежавших к парчамистскому крылу. В частности, офицеры-парчамисты, кроме М. Рафи и Голь Ака, заняли еще и следующие посты: генерал-лейтенант Бабаджан – начальника Генерального штаба афганской армии, майор Халильулла – командира Центрального армейского корпуса, майор Нур-уль-Хак Олуми – начальника штаба указанного корпуса, генерал-лейтенант Гулям Наби – командира Южного корпуса, старший капитан Абдул Мухаммад – командира 12 пехотной дивизии, подполковник Абдул Вадуд – командира 11 пехотной дивизии, полковник Мухаммад Асеф – председателя военного суда вооруженных сил, Анвар – начальника управления кадров афганской армии и др. Особенно ретиво наращивалась численность руководителей-парчамистов в политорганах вооруженных сил. Так, по инициативе реваншистски настроенного начальника Главного политического управления Голь Ака политотдел ВВС и ПВО возглавил майор Дост Мухаммад, управление агитации и пропаганды армии – майор М. Селим, управление организационно-партийной работы – Седик, отдел Демократической организации молодежи Главного политуправления – лейтенант Сардар Мухаммад и др. К середине 1981 года парчамисты занимали уже 29 постов начальников политорганов из 50 [52]. Форсированно увеличивалась парчамистская партийная прослойка в войсках. Уже к осени 1980 года в армейской партийной организации, насчитывавшей тогда 12 450 членов (из них 6880 – члены НДПА и 5570 – кандидаты в члены партии), [53] парчамисты составляли более 4 тысяч (т.е. более 32 процентов). Нередкими были случаи, когда под видом чистки военных кадров от приверженцев Х. Амина из армии изгонялись или же снимались с ключевых постов преданные идеалам революции и профессионально высокоподготовленные офицеры-халькисты.

Халькистское военное крыло, которое всегда в армии было и оставалось вплоть до падения левого режима в Афганистане численно доминирующей силой, не мирилось с развернутой «сверху» кампанией парчамизации армии, гонениями против своих партийнокрыльевых коллег и ликвидацией символов и атрибутов прежней власти. Уже в первые месяцы после прихода к власти новому режиму пришлось пережить несколько крупных скандалов, возникших в армейской среде на почве межкрыльевой враждебности. Так, всеобщее возмущение и негодование офицеров-халькистов вызвали карикатура на их кумира Н.М. Тараки, помещённая в правительственной газете, а также официальная замена в феврале 1980 года государственного флага, представлявшего собой красное полотнище со словом «хальк» на гербе, на трехцветный флаг с новым гербом, на котором отсутствовало это слово. Под давлением и по требованию халькистов высшее руководство страны вынуждено было уволить главного редактора газеты, которым был брат С.А. Кештманда – Асадулла Кештманд. В марте Б. Кармаль выступил перед высшим командованием армии с призывом крепить партийное единство в армейских рядах.

Халькистское крыло, однако, не только выступало с открытой критикой парчамист-

ских лидеров, но и само не упускало случая подогревать нездоровые страсти и плести всякого рода интриги против своих «недругов» по партии, обвиняя их в стремлении узурпировать партийную и военную власть, в неспособности и даже нежелании реализовать на деле лозунги революции. Наиболее воинственно настроенные халькисты склонялись к мысли готовить «новую революцию», чтобы насильственным путем отстранить от власти «аристократов-парчамистов». Гонения на халькистов подталкивали их к сплочению. Их несомненным лидером в тот момент становился Асадулла Сарвари, бывший тогда членом политбюро ЦК НДПА и заместителем председателя Ревсовета ДРА (в июне 1980 г. он был направлен на «лечение» в Москву, а затем послом в Монголию). В целом межкрыльевые противоречия серьезно тормозили усилия по укреплению афганских вооруженных сил, созданию в рядах офицерского и унтер-офицерского корпуса климата доверяя и партнерства в решении задач по защите существовавшего левого режима.

Высшее партийно-государственное и военное руководство ДРА, серьезно обеспокоенное негативными процессами в армии, вынуждено было прибегнуть к целому ряду неординарных мер политического, идеологического, организационного, правового и материального характера, чтобы оздоровить морально-психологическую обстановку в армии, уменьшить масштабы дезертирства, увеличить численность правительственных вооруженных формирований и повысить боеспособность войск. Практически на каждом пленуме ЦК НДПА в той или иной форме неизменно ставились вопросы об армии и вооруженной защите режима. Так, состоявшийся 13 апреля 1980 года второй пленум ЦК призвал командование армии, царандоя и органов безопасности крепить единство среди военнослужащих, воспитывать у них политическую сознательность и чувство ответственности за решение поставленных перед ними задач, повышать боеспособность воинских частей и подразделений [54]. В соответствии с решениями пленума, министр обороны и начальник Главного политического управления издали директиву «О политической работе среди личного состава народной армии в период нового этапа развития Апрельской революции».

Целиком армейской теме был посвящен третий пленум ЦК НДПА, проведенный 23 июля 1980 года. На нем всесторонне обсуждался вопрос «О задачах партии по усилению борьбы с контрреволюцией и укреплению вооруженных сил, органов безопасности и общественного порядка в ДРА». Было отмечено, что в течение первой половины года афганской армии при поддержке советских войск удалось нанести контрреволюции ряд существенных поражений и рассеять ее крупные бандформирования, прежде всего на подступах к Кабулу и в некоторых провинциях и уездах. В результате этих операций вооруженная оппозиция перешла к тактике действий мелкими партизанскими группами. Вместе с тем, как указывалось на пленуме, «предстояло еще многое сделать в борьбе против контрреволюции, поддерживаемой силами империализма и некоторыми реакционными режимами региона». В связи с этим Б. Кармаль, обращаясь к участникам пленума, еще раз подчеркнул, что «борьба против контрреволюции является наиважнейшей задачей партии и государства». Пленум обязал партийные и государственные органы мобилизовать все силы для борьбы против вооруженной оппозиции и вмешательства извне, активизировать усилия по формированию отрядов защиты революции и по их военному обучению, ускорить подготовку офицерских кадров для восполнения их острейшего дефицита в войсках, укреплять партийное единство в армейской среде. Было обращено серьезное внимание на необходимость усиления партийного влияния и военно-политической работы в вооруженных силах. С целью улучшения координации действий в борьбе с бандформированиями, пленум принял решение образовать Главный штаб по борьбе с контрреволюцией и восемь «зон ответственности» с соответствующими штабами во главе с уполномоченными ЦК НДПА и Ревсовета ДРА [55].

Еще в первой половине 1980 года в ДРА началось формирование из числа добровольцев-партийцев отрядов «солдат революции» («сепахиян-е энкелаб»). Они направлялись в наиболее неблагополучные с военно-политической точки зрения районы страны. Б. Кармаль, напутствуя 13 июля один из таких отрядов, отправлявшийся на три с поло-

виной месяца в провинцию Лагман, назвал в числе главных задач «солдат революции» не только участие в контрпартизанской войне, но и проведение ими среди местного населения широкой агитационно-пропагандистской и организаторской работы [56].

Принимаемые меры, однако, не давали пока ощутимых результатов. Дисциплина и порядок в войсках оставалась крайне низкими. Из-за продолжавшегося дезертирства (оно ежемесячно составляло до 2 тыс. человек) и неэффективности работы органов по призыву в войсках остро ощущался некомплект личного состава. Укомплектованность боевых частей и подразделений обычно не превышала 30–35 процентов. В этих условиях Ревсовет ДРА, намереваясь переломить негативные процессы в вооруженных силах и укрепить законность, дисциплину и правопорядок в войсках, принял и ввел в действие с 6 сентября 1980 года закон «Об уголовной ответственности за преступления, посягающие на боевую готовность вооружениях сил ДРА» [57]. Согласно этому закону (ст. 3), за уклонение от призыва на военную службу предусматривалось наказание тюремным заключением на срок от одного до десяти лет. Еще более строго карались преступления, совершаемые в период прохождения военной службы. Так, дезертирство из части или с места службы, уклонение от несения обязанностей военной службы в боевой обстановке или добровольная сдача в плен подлежали наказанию теремным заключением на срок от четырех до пятнадцати лет или смертной казнью (ст.6), измена родине (переход на сторону врага; сдача врагу начальником вверенных ему сил, оставление оружия, боевой техники, укреплений и других средств ведения войны в целях пособничества врагу; контрреволюционный заговор с целью захвата власти; передача иностранному государству, контрреволюционной организации или же их агентам секретных сведений; проведение среди военнослужащих пропаганды, направленной на подрыв боеспособности вооруженных сил) – тюремным заключением на срок от пятнадцати до двадцати лет или смертной казнью (ст.8), отказ военнослужащего от исполнения приказа начальника или иное умышленное невыполнение приказа (ст.7) – тюремным заключением на срок от четырех до десяти лет (то же преступление, совершенное в боевой обстановке, наказывалось тюремным заключением на срок от десяти до пятнадцати лет или смертной казнью).

Вопросы об улучшении работы по призыву в армию, о необходимости скорейшего перелома в борьбе против контрреволюции, важности прекращения внутрипартийных разногласий, в том числе и в вооруженных силах, были снова подняты на четвертом пленуме ЦК НДПА, состоявшемся 13 ноября 1980 года. Резолюция пленума предписывала министерству национальной обороны, министерству внутренних дел, ХАД и компетентным органам ЦК НДПА принять все необходимые меры по призыву граждан страны в армию и другие военные формирования, по укомплектованию личным составом частей и подразделений и выполнению задач, поставленных третьим пленумом ЦК [58].

О том, что проблемы афганской армии по-прежнему продолжали оставаться нерешенными, отчетливо продемонстрировал бунт нескольких сот солдат, происшедший в Кабуле в конце декабря 1980 года. Они, выйдя на улицы столицы и разбивая по ходу своего движения дорожные светофоры и городские автобусы, потребовали от властей их незамедлительной демобилизации в связи с истечением установленных сроков их действительной службы. Данная акция заставила правительство принять решение об увольнении из вооруженных сил всех, кто имел на это право по Закону о всеобщей воинской повинности, принятому еще при королевском режиме в 1964 году.

Чтобы подвести новую правовую базу под военную службу и обеспечить стабильное пополнение вооруженных сил личным составом в условиях военного времени, президиум Ревсовета ДРА принял 7 января 1981 года Закон о всеобщей воинской обязанности [59]. В законе определялись основные принципы прохождения военной службы, организация призыва граждан ДРА для службы в вооруженных силах, права и обязанности военнослужащих и военнообязанных, порядок увольнения из вооруженных сил, военного учета и освобождения и оторочки от военной службы и положения, связанные с призы-

вом по общей и частичной мобилизации в военное время. Согласно ст.2, служба в рядах вооруженных сил ДРА объявлялась «наиболее почетной и высоко патриотичной обязанностью граждан ДРА». Призывной возраст, по новому закону, был снижен с 22 до 20 лет (ст.12), а срок действительной военной службы для солдат и войсковых сержантов всех родов войск был оставлен прежним – два года. Что касается солдат и войсковых сержантов, имеющих среднее образование, их срок военной службы устанавливался в один год, а для лиц, имеющих высшее образование – шесть месяцев (ст.14). Закон, в случае необходимости, предоставлял право министру обороны с разрешения президиума Ревсовета ДРА задерживать увольнение выслуживших установленное время военнослужащих на срок до шести месяцев (ст.16). От призыва на военную службу освобождались только высокопоставленные улемы и улемы, ведущие преподавательскую деятельность (ст.51), а отсрочка от призыва могла быть предоставлена по семейному положению (при наличии нетрудоспособных иждивенцев), по состоянию здоровья и для завершения образования студентам высших учебных заведений и учащимся средних общеобразовательных и специальных учебных заведений (ст.52–66). Закон о всеобщей воинской обязанности, как, впрочем, и Закон 1964 года, официально не подтверждал традиционное право пуштунских племен на освобождение от призыва на военную службу, хотя негласно это право из-за боязни острого недовольства старейшин и населения в «зоне племен» было сохранено за ними и при правительстве Б. Кармаля.

При всем неблагополучии военно-политической обстановки в стране все же усилия, предпринятые в 1980 году правительством Б. Кармаля в военной сфере, оказались не совсем уж бесплодными. Через ускоренные курсы удалось за это время подготовить несколько сот младших офицеров, которые помогли восполнить в известной мере дефицит командных кадров низшего армейского звена. В афганской армии появился целый ряд вполне боеспособных частей и подразделений, которые вместе с советскими войсками приняли активное участие в боевых операциях в ущелье Панджшер, долине Логар и в некоторых других местах. Среди них можно было бы назвать 45 пехотный полк 7 пехотной дивизии, 444 батальон «коммандос», 37 воздушно-десантную бригаду и др. К концу 1980 года было сформировано, по крайней мере, восемь оперативных батальонов царандоя, дислоцированных в провинциях Балх, Фарьяб, Фарах, Гильменд, Тахар, Заболь, Парван и Герат. Все они в ходе проведенных операций показали высокую боевую выучку, организованность и мужество. В указанном году в стране появились пограничные войска в составе пяти пограничных бригад, дислоцированных в Джалалабаде (1 пбр), Хосте (2 пбр). Кундузе (3 пбр), Нимрузе (4 пбр), Герате (5 пбр). Свой вклад в борьбу против вооруженной оппозиции вносили также партийные отряды «солдат революции» и создававшиеся по линии службы безопасности ХАД отряды защиты революции. В населенных пунктах с успехом обеспечивали мир и безопасность формировавшиеся под патронажем властей отряды самообороны, а также молодежные бригады охраны общественного порядка.

Характеристика внутриполитической ситуации в Афганистане в 1980 году была бы далеко не полной без рассмотрения положения в высшем партийно-государственном руководстве страны и проблемы партийного единства. Как уже отмечалось, приход к власти правительства Б. Кармаля состоялся под флагом объединенной Народно–демократической партии Афганистана. Но уже в первые дни существования нового режима обнаружилось, что старые межфракционные разногласия не остались в прошлом. Они продолжали оказывать разлагающее влияние на морально–психологический климат буквально во всех партийных и государственных структурах и серьезно ослаблять их практическую деятельность. На смягчение остроты внутрипартийной борьбы не повлияло сколько-нибудь и пополнение рядов НДПА новыми членами. К концу 1980 года она численно выросла, по сравнению с 1979 годом, более чем в два раза, с 22 068 чел. до 50 599 (из них 27 695 чел, являлись членами партии и 22 904 – кандидатами в члены партии) [60].

Вопрос о партийном единстве был специально вынесен на обсуждение второго пле-

нума ЦК НДПА, проходившего 13 апреля 1980 года. Б. Кармаль, выступая на нем с большим докладам, с горечью признавал: «В настоящее время надо, к сожалению, сказать не только членам ЦК, но и всем членам партии, что никто по целому ряду объективных и субъективных причин не может быть полностью удовлетворен состоянием партийного единства. Следует со всей откровенностью сказать, что политбюро ЦК располагает многочисленными сведениями о проявлениях фракционности, недостойных поступках и недисциплинированности многих членов партии из числа бывших крыльев, как одного, так и другого» [61]. Устав партии, принятый на данном пленуме, решительно требовал от всех партийцев крепить единство партийных рядов.

Афганский лидер в течение 1980 года неоднократно в своих выступлениях возвращался к этой весьма болезненной для партии проблеме. На четвертом пленуме ЦК НДПА, состоявшемся 11 ноября1980 г. он снова выступил с призывом «обеспечить подлинное единство партии в борьбе и труде» [62]. Вместе с тем он выразил обеспокоенность по поводу еще одного серьезного порока в деятельности партийно-государственного аппарата. «Отдельные работники, которым партия доверила ответственные посты, – говорил Б. Кармаль, – злоупотребляют своим высоким положением. Центральному комитету известны факты, когда некоторые работники в провинциях занимались взяточничеством, хищением, нарушали законность, превышали свои полномочия... Своими действиями такие лица подрывают единство партии, дискредитируют ее в глазах народа, наносят партии прямой ущерб» [63]. Впрочем, этот порок был характерным не только для провинциальной бюрократии, но и не в меньшей мере также и для центральной. Далее, он не был и чем-то новым для страны. В Афганистане коррупция и стяжательство во все времена были типичным явлением для бюрократического аппарата. С горькой иронией в эти годы в народе говорили, что, если раньше, при королевском режиме, высшей ценностью и желанными устремлениями любого государственного чиновника были три «з» («замин, зар, зан», т.е. «земля, золото, жена»), то при власти левых ими стали три «м» («манзел, мотар, макам», т.е. «квартира, машина, должность»).

В рассматриваемый период (да и в последующем) в рядах НДПА оставался нерешенным и вопрос пропорционального представительства национальных меньшинств с учетом их удельного веса среди населения страны (без пуштунов и таджиков) примерно на уровне 30 процентов. Так, по партийной переписи 1980 года, в партии состояли представители 23 национальностей и народностей, в числе которых пуштуны составляли 56 процентов, таджики – 35, хазарейцы – 1 и другие – 8 процентов. Такое же положение было и в составе ЦК партии, где (по состоянию на февраль 1980 г.) из 44 членов и кандидатов в члены ЦК пуштунов было 29 чел. (65,9 %), таджиков – 12 (27,2 %), узбеков – 1 (2,3 %), хазарейцев – 1 (2,3 %), чараймаков – 1 (2,3 %). Подобная же картина наблюдалась и в аппарате ЦК НДПА. где, по данным на 15 мая 1980 года, из 52 сотрудников имелось пуштунов 31 чел (59,6 %), таджиков – 16 (30,8 %), индусов – 2 (3,9 %), чараймаков – 1 (1,9 %), хазарейцев – 1 (1,9 %), узбеков – 1 (1,9.%). Принцип пропорционального представительства национальных меньшинств игнорировался на практике и при формировании местных органов власти и управления. Все это вызывало недоверие и неприязнь к руководству НДПА и госвласти.

На протяжении всего 1980 года руководство НДПА предпринимало настойчивые попытки установить связи и сотрудничество с другими самостоятельными левыми политическими группировками, стоявшими на идеологически близких с НДПА позициях, и, при возможности, включить их в свои ряды. Такими группировками тогда являлись непуштунские по составу своих членов «Группа труда» (ГТ) и Революционная организация трудящихся Афганистана (РОТА), пуштунское Революционное общество трудящихся Афганистана (РОбТА), а также Авангардная организация молодых рабочих Афганистана (АОМРА) [65]. В мае гражданская часть «Группы труда» (около 3400 чел.) вошла в НДПА. Что касается ее военной части (около 700 чел.), то она была принята в партию по постановлению политбюро ЦК НДПА только в ноябре 1980 г. Остальные левые политические группировки, выражая несогласие с некоторыми аспектами программы

НДПА и ее внутренней и внешней политики, не пошли на союз с ней, что, естественно, не способствовало в целом укреплению режима левых в стране и прежде всего мобилизации всех сил для борьбы с вооруженной антиправительственной оппозицией и вмешательством извне.

Ввод советских войск в Афганистан и появление на его политической авансцене правительства Б. Кармаля, как и приход левых к власти в этой стране в апреле 1978 года, были крайне враждебно встречены Западом и консервативными режимами региона, усмотревшими во всех этих событиях угрозу своим позициям со стороны коммунизма. После 27 декабря 1979 года они начали в антикоммунистическом раже усиливать вмешательство во внутриафганские дела по всем направлениям. По инициативе США с середины 1979 г. активно проводился экономический бойкот ДРА. По западным источникам, к началу февраля 1980 г. сокращение помощи Афганистану должно было составить до 100 млн. долл. [66]. С января 1980 г. страны Европейского экономического сообщества прекратили свои поставки продовольствия Афганистану [67]. С середины января 1980 года Совет национальной безопасности США во главе с З. Бжезинским принял решение значительно увеличить поставки оружия афганским повстанцам. С этих пор гражданская война в Афганистане окончательно потеряла характер внутреннего вооруженного социально–политического и идеологического конфликта, превратившись в негласную войну между двумя мировыми системами. Пушечным мясом в этой бойне стали афганцы, советские солдаты и наемники из ряда мусульманских стран.

Главным плацдармом необъявленной войны против ДРА явился Пакистан. На его территории к концу 1980 года уже действовали около 20 крупных учебных лагерей и 50 опорных пунктов по подготовке афганских моджахедов. Одновременно эти учебные центры могли принять на учебу на срок от одного до трех месяцев до 5 тысяч человек. В качестве инструкторов в них преподавали офицеры Пакистана, США, Китая, Египта и ряда других стран. В июне 1980 года правительство Пакистана официально узаконило участие под видом «добровольцев» пакистанских военнослужащих в войне против Кабула, обещая их семьям в случае гибели компенсацию в размере 500 рупий. Через пакистанское правительство афганской вооруженной оппозиции непрерывным потоком шла щедрая иностранная военная, финансовая и материальная помощь. 14 учебных центров и баз, способных одновременно обеспечить подготовку до 1200 афганских боевиков, функционировали также и на территории Ирана [68].

Основными донорами необъявленной войны против ДРА и советского военного присутствия в этой стране выступали США и Саудовская Аравия. В августе 1980 года администрация президента США Дж. Картера под прикрытием т.н. «продовольственной помощи» объявила о выделении афганским моджахедам 19,5 млн. долл., дополнительно к предоставленным ранее 25 млн. долл. Несравненно более значительные суммы шли на цели войны против кабульского «коммунистического режима» по тайным каналам американских спецслужб. Что касается Саудовской Аравии, то она в 1980 году ассигновала на указанные цели примерно 700 млн. долл. От них не отставали и их западные союзники и Япония. Так, в 1980 году на эти же цели, под видом «гуманитарной помощи афганским беженцам», Европейское экономическое сообщество и Япония передали Пакистану соответственно 18,8 и 4 млн. долл. Афганские антиправительственные силы финансировали и оказывали им солидную помощь вооружением также Китай, Египет и Израиль. Причем из Египта вооружение советского производства, оплаченное США, доставлялось в Пакистан американскими самолетами. Кроме того, на территории Египта проходили подготовку и афганские боевики. По некоторым сведениям, их до конца 1980 года было подготовлено до 2 тыс. человек. На цели помощи афганским повстанцам садатовский Египет в целом ассигновал 1,5 млн. долл. [69].

С целью демонстрации поддержки афганских антиправительственных сил и координации политических и военных действий, направленных против СССР и ДРА, в течение 1980 года в Пакистан и конкретно в приграничные с Афганистаном районы наведывались многие высокопоставленные деятели Запада и региона. Среди них были помощник

президента США З. Бжезинский, министр иностранных дел КНР Хуан Хуа (дважды), начальник военной академии Китая Цяо Ке [70] др.

Мирное урегулирование афганской проблемы не входило в стратегические планы Запада. Наряду с вооруженной борьбой, против ДРА была развернута массированная информационная война, цель которой состояла в том, чтобы извратить политику официального Кабула, оболгать новое руководство с помощью невероятных вымыслов и инсинуаций, усилить напряженность в стране и восстановить ее население и мировую общественность против кабульского «коммунистического режима». Причем в западных средствах массовой информации и солидных по объему аналитических работах того времени были нагромождены такие горы лжи и неправды, что, думается, будущим исследователям афганской истории последней четверти XX в. будет крайне трудно отличить истину от вымысла. В пропагандистской войне против ДРА особенно усердствовали американские периодические издания, в частности «Нью-Йорк Таймс», «Вашингтон пост», «Крисчен Сайенс монитор» и др. В связи с их афганскими антиправительственными публикациями власти ДРА в середине января 1980 г. приняли решение выдворить из Афганистана ряд американских журналистов.

Международное положение ДРА в 1980 году, усугубленное советским военным присутствием в стране, продолжало оставаться весьма сложным. Хотя республика была широко признана де-юре и де-факто на мировой арене и поддерживала дипломатические отношения с 67 странами, однако многие государства Запада и региона, в том числе и те, кто имел свои представительства в Кабуле, делали все, чтобы поставить ДРА и ее правительство в положение международной изоляции, добиться вывода советских войск из страны и в конечном счете свергнуть кабульский правящий режим. 14 января и 20 ноября 1980 года «афганский вопрос» был вынесен на обсуждение сначала 6-й чрезвычайной специальной сессии, а затем 35-й очередной сессии Генеральной ассамблеи ООН, которые в принятых подавляющим большинством ее членов резолюциях, осудив вооруженную интервенцию против Афганистана, потребовали немедленного, безусловного и полного вывода иностранных войск из страны и предоставления народу Афганистана права самому выбирать форму правления и социально-политическую и экономическую систему государства [71]. Таким образом, в завуалированной форме было выражено непризнание правительства Б. Кармаля легитимным.

Особую обеспокоенность и протесты по поводу ввода советских войск в Афганистан и прихода к власти правительства Б. Кармаля выразила Организация Исламская конференция (ОИК). В весьма жесткой резолюции, принятой на чрезвычайной встрече министров иностранных дел стран ОИК, которая состоялась в Исламабаде с 25 по 28 января 1980 года, она решительно осудила «советскую военную агрессию против афганского народа» и потребовала немедленного и безусловного вывода всех советских войск с афганской территории. Суровые меры были приняты и в отношении ДРА, и его нового правительства: приостановлено членство Афганистана в ОИК; странам – членам ОИК было предложено воздержаться от признания законным режима Афганистана и разорвать с ним дипломатические отношения до тех пор, пока не будут выведены из страны советские войска, а также прекратить любую помощь ДРА и отказаться от всех форм поддержки существующего в Афганистане режима [72]. Вслед за принятием данной резолюции с ДРА разорвали дипломатические отношения Египет и Саудовская Аравия. Однако подавляющее большинство исламских государств на такой шаг не пошли и оставили свои представительства в Кабуле, правда, сократив до предела контакты с официальными афганскими властями. С правительством Б. Кармаля сохранили прежние дружественные отношения Сирия, Ирак, Южный Йемен и ряд других исламских стран.

Правительство Б. Кармаля, осознавая неблагоприятное для ДРА международное положение и, прежде всего упорное нежелание консервативных исламских стран региона признать кабульский режим, стремилось с самого начала своего прихода к власти выйти из состояния относительной международной изоляции. Как уже отмечалось, основы внешней политики ДРА были сначала тезисно сформулированы в публичных заявлениях Б. Кармаля 27 декабря 1979 года, а затем конкретно изложены в Тезисах ЦК НДПА ко второй годовщине Апрельской революции и в Основных принципах Демократической Республики Афганистан.

Уже 14 января 1980 года, т.е. спустя две недели после образования нового афганского правительства, Б. Кармаль направил дружественное послание духовному главе Ирана аятолле Р. Хомейни. Афганский лидер, высказав в начале послания свою озабоченность

по поводу грязной пропагандистской кампании, развернутой в Иране против ДРА определенными лицами и кругами, заверил Р. Хомейни в искреннем желании нового руководства Афганистана «иметь с Исламской Республикой Иран самые дружественные отношения, основанные на исламском братстве». Он заявил, что его правительство «никогда и никому не позволит использовать свою территорию как базу против исламской революции в Иране и против интересов братского иранского народа». «И мы ожидаем, – подчеркнул Б. Кармаль, – что наши иранские братья займут подобную же позицию». В заключение он высказал пожелание встретиться насколько возможно быстрее с иранским лидером и в ходе переговоров «устранить существующие недоразумения в отношениях между двумя народами» [73]. 12 февраля Б. Кармаль направил поздравительную телеграмму аятолле Р. Хомейни и президенту ИРИ А.Х. Банисадру по случаю первой годовщины победы исламской революции в Иране.

В марте-апреле Б. Кармаль еще дважды в своих официальных заявлениях предлагал иранской стороне приступить к переговорам о нормализации межгосударственных отношений. Такого же рода предложения делались и Пакистану. Глава афганского государства, выступая 26 апреля 1980 года по случаю второй годовщины Апрельской революции, отметил, что между Афганистаном и соседними с ним странами – Ираном и Пакистаном не существует разногласий, которые бы нельзя было решить мирными средствами, на основе доброй воли и заинтересованности их лидеров.

Всеобъемлющая программа политического урегулирования ситуации вокруг Афганистана и нормализации отношений с соседними странами была изложена в специальном Заявлении правительства ДРА от 14 мая 1980 года. В нем афганская сторона предлагала Ирану и Пакистану через двусторонние переговоры восстановить дружественные межгосударственные отношения, оказать содействие свободному возвращению афганских беженцев на родину, прекратить вооруженное и другие формы вмешательства во внутриафганские дела, обеспечить международные гарантии по вопросам урегулирования обстановки вокруг Афганистана (в качестве таких стран–гарантов назывались СССР и США), а также решить вопрос о выводе из ДРА ограниченного контингента советских войск в общей увязке с устранением тех причин, которые привели к вводу этих войск в Афганистан [74].

С мая 1980 по конец июля 1981 года афганская сторона на разных уровнях предлагала Ирану и Пакистану, по крайней мере, шесть раз начать прямые двусторонние переговоры по вопросам нормализации отношений. Такого рода предложения, в частности, были сделаны в мае 1980 г., накануне конференции министров иностранных дел Организации Исламская конференция и дважды на 35-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (ноябрь 1980 г.). Однако все эти мирные инициативы ДРА были оставлены без последствий иранской и пакистанской сторонами.

Становилось абсолютно очевидным, что решение «афганского вопроса» мирными средствами, как это предлагало правительство ДРА, не входило в стратегические планы как Пакистана и его западных и региональных покровителей, так и теократического Ирана. Их уверенность в успехе силовой борьбы против агрессии мирового коммунизма на афганском направлении была обусловлена не только морально-политической поддержкой подавляющего большинства членов международного сообщества, осудившего ввод советских войск в Афганистан, но и, прежде всего, тем, что Кабул и Москва показали явные признаки слабости в войне против моджахедов и неспособность подкрепить свои мирные инициативы демонстрацией силы.

Итак, афганскому руководству, несмотря на его настойчивые попытки, не удалось в 1980 году склонить западного и восточного соседей к принятию своих мирных инициатив и таким образом сбить накал разгоравшейся в стране гражданской войны. Вмешательство извне во внутриафганские дела неумолимо набирало силу, приобретая беспрецедентный характер. В этих условиях многие актуальные и реально выполнимые программные установки правящих кругов ДРА в социальной, экономической, культурной и других сферах практически не были реализованы по разным, прежде всего объективном, причинам. Были, однако, и определенные достижения. Это касалось в основном воссоздания и укрепления институтов власти и управления в центре и на местах. Кабульский режим сумел в течение года создать довольно стройную и массовую политическую систему общества, охватывавшую на деле все социальные, национальные и профессиональные слои и группы населения страны. Через эту систему центральные власти с успехом осуществляли свое влияние на население подконтрольных им районов, искренне связы-

вавшее умиротворение страны с кабульским режимом. Симпатия значительной части населения страны к данному режиму были неоспоримыми. Ныне, по прошествии многих лет афганцы в целом отдают должное именно этой власти, считая ее при всех пороках и недостатках значительно более справедливой и предпочтительной по сравнению с теми, которые правили и правят Афганистаном после апреля 1992 года.

Примечания

1. В начале февраля 1980 года в интервью журналу «Проблемы мира и социализма» Б. Кармаль говорил: «Я, используя революционные пути, возвратился в страну во второй половине октября 1979 года (подчеркнуто мною. – М.С.) и установил связи со здоровыми силами Центрального комитета и Революционного совета». Такое утверждение афганского лидера не соответствовало действительности и было сделано в чисто пропагандистских целях. – См, об этом тж: Кармаль Б. На пути укрепления суверенитета народа: Сборник выступлений и статей (1358–1359). – Кабул, 1362 (1983). – С. 522. – На языке дари (дар рах-е хакемият-е халк).
2. Комсомольская правда. – 1993, 27 января.
3. Война в Афганистане. – М.: Воениздат, 1991. – С. 217–218.
4. Democratic Republic of Afghanistan Annual. Jadi 6, 1358 – Hoot, 1359. – Kabul: Government Printing Press, 1981. – P. 1–6.
5. Ibid., p.7; Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1980, 1 января.
6. Democratic Republic of Afghanistan Annual. – P. 7, 441.
7. Kabul New Times. – 1980, March 5, 31, May 14.
8. Democratic Republic of Afghanistan Annual. – P. 1–3.
9. Ibid., p.2.
10. Democratic Republic of Afghanistan Annual. – P. 698.
11. Democratic Republic of Afghanistan Annual. – P. 291, 320–321, 763.
12. Democratic Republic of Afghanistan Annual. – P. 11. Здесь и далее см.: Babrak Karmal Greets Afghan Nation // Democratic Republic of Afghanistan Annual. – P. 11–14.
13. Земля и вода крестьянам. Выступления и документы. – Кабул, джади 1363 (январь 1985). – С. 13. – На языке дари (аб ва замин бэ дехканан); Democratic Republic of Afghanistan Annual. – P. 23, 553–563, 699–714, 768–776.
14. Речь Б.Кармаля на первой сельскохозяйственной конференции ДРА 7 хута 1358 (26 февраля 1980) // Земля и вода крестьянам. – С. 1–16. Здесь и далее ссылки даются на данное выступление.
15. Democratic Republic of Afghanistan Annual. – P. 541.
16. Здесь и далее см.: Democratic Republic of Afghanistan Annual. – P. 709–712, 716–718.
17. Подсчитано М.С. по: Statistical Year Book. 1360. – Kabul: Central Statistics Office, May 1983. – P. 65; Democratic Republic of Afghanistan Annual. – P. 710; Актуальные проблемы афганской революции. – М.: Наука, 1984. – С. 639–642.
18. Здесь и далее см.: Война в Афганистане. – С. 165–166; Anwar R. The Tragedy of Afghanistan: A First–hand Account. – London: Verso, 1988. – P. 207; Urban M. War in Afghanistan. – London: The Macmillan Press Ltd., 1988. – P. 60.
19. Абдул Маджид Калакани – бывший студент теологического факультета Кабульского университета, таджик по национальности. Обучаясь в университете, был обвинен в причастности к убийству декана факультета и брошен в тюрьму. В период монархии и республиканского режима М. Дауда, выступая под лозунгом «борьбы против пуштунской диктатуры», сколотил бандитскую шайку, занимался разбоем на дорогах, похищал заложников с целью получения выкупа. Видимо, одним из мотивов его поведения было чувство мести за отца, казненного в 40-х годах за антимонархическую деятельность. Весной 1979 года создал группировку САМА, в которую вошли мелкобуржуазные элементы, разделявшие маосистские взгляды. Лозунгом организации стало создание «демократического рабоче-крестьянского государства» путем ведения «длительной народной войны, окружения города деревней, формирования трудовой армии в сельских районах страны», изоляции и экономического удушения существующего режима. – См. об этом подробнее: Актуальные проблемы афганской революции. – С. 492–493.
20. Democratic Republic of Afghanistan Annual. – P. 771, 773.
21. Война в Афганистане. – С. 165; The True Face of Afghan Counter–revolution. – Kabul, 1982. – P. 23.
22. См. об этом: Лазутчики разоблачают себя. – Кабул, 1363 (1984). – С. 9–22. – На языке дари (джавасис эфша миконанд); Anwar R. The Tragedy of Afghanistan. – P. 208. М.Резаи в мае 1981 г. был приговорен к высшей мере наказания.
23. Актуальные проблемы афганской революции. – С. 375.
24. См. об этом: Martyred for the Cause of the Truth The True Moslems Murdered by the «Mujaheddin». – Kabul: Islamic Affairs Dept. DRA, 1984. – P. 1–44.
25. Undeclared War. Armed Intervention and Other Forms of Interference in the Internal Affairs of the Democratic Republic of Afghanistan. – Kabul, 1984. – P. 54.
26. Transnational Perspectives, Geneva, Switzerland. – A Spesial Study, 1982. – P.25.

По пакистанским официальным данным, численность зарегистрированных афганских беженцев в Пакистане в 1978–1980 годах составляла:

Год и месяц(ы)	**Количество беженцев**
Апрель–декабрь 1978 г.	18 329
Январь–декабрь 1979 г.	389 072
1980 г.	
Январь	427 580
Февраль	538 099
Март	599 050
Апрель	650 076
Май	720 495
Июнь	779 059
Июль	839 260
Август	926 216
Сентябрь	996 872
Октябрь	1 054 148
Ноябрь	1 148 470
Декабрь	1 232 253

Приводятся по: Collins J.J. The Soviet Invasion of Afghanistan. A Study in the Use of Force in Soviet Foreign Policy. – Massachusetts / Toronto: Lexington Books, 1986. – P. 143.

27. Расми джарида. – 1980, 21 апреля. – С. 42. – На языках дари и пушту.
28. PDPA CC Thesis on 2nd Anniversary of Saur Revolution // Democratic Republic of Afghanistan Annual. – P. 534–547.
29. Здесь и далее ссылки даются на «Основные принципы ДРА» в переводе с языка дари. – См.: Расми джарида. – 1980, 21 апреля. – С. 1–42.
30. В функции Главного управления по делам ислама (ГУИ) входили: защита религии ислам; обеспечение помощи патриотическому духовенству в выполнении своих обязанностей; обеспечение содействия в объединении всех трудящихся мусульман Афганистана в целях защиты завоеваний революции; обеспечение исследований в области исламских наук; установление и поддержание отношений с религиозными учреждениями дружественных стран и т.д. ГУИ имел свои представительства в провинциях. В его составе действовал Высший совет улемов и духовенства Афганистана.
31. Democratic Republic of Afghanistan Annual. – P. 721.
32. Анис. – 1980, 24 апреля.
33. См. об этом подробнее: Слинкин М.Ф. Леводемократические организации в Афганистане: зарождение и деятельность // Специальный бюллетень Института востоковедения АН СССР. – № 2 (266). – М.: Наука, 1990. – С. 89–100, 107–127.
34. См. о нем подробнее: Слинкин М.Ф. Кто был и есть кто в Афганистане // Востоковедный сборник. – Симферополь: Издание Таврического экологического института, 1997. – С. 52–54.
35. Democratic Republic of Afghanistan Annual. – P. 575 – 576; Statistical Year Book. 1360. – с. 144.
30 марта 1980 г. правительство ДРА приняло постановление № 2136 о постепенном введении в стране 10–классной системы обучения и обязательного начального образования в городских центрах с 1980 – 1981 по 1985 – 1986 год, а в сельской местности – с 1980 – 1981 по 1986 – 1987 г. В соответствии с Указом № 28 Ревсовета ДРА от 3 апреля 1980 г., в стране объявлялась национальная кампания по борьбе с неграмотностью. Обучением грамоте на родном языке предполагалось охватить всех лиц мужского пола в возрасте от 10 до 50 лет в городах до 1987, а в сельской местности – до 1990 года. В Указе было подчеркнуто, что обучение грамоте не является обязательным для женщин. – См.: Country Report of the Democratic Republic of Afghanistan. National Study of Universalization of Education at the Primary Level. – Kabul, October 1983. – P.23 – 25.
36. Country Report of the DRA. – P. 45; Statistical Year Book. 1360. – P. 144.
37. Statistical Year Book. 1360. – P. 141.
38. Democratic Republic of Afghanistan Annual. – P. 577 – 586.
39. Statistical Year Book. 1360. – Pp. 134 – 135.
40. Demoratic Republic of Afghanistan Annual. – P. 587 – 601; In Defence of Islam. – Kabul, 1980. – P. 3 – 56; Улемы священной религии ислам должны служить народу. – Кабул: Издание Главного управления по делам ислама, саратан 1360 (июнь – июль 1981). – С. 28. – На языке дари (олама-йе дин-е мокаддас-е эслам бэ мардом хедмат намайянд).
41. М.С.Афгани в конце 60 – начале 70-х годов принимал активное участие в студенческом движении, входя в левоэкстремистскую организацию «Шоалеи джавид».
42. См. об этом подробнее: Рабочий класс Афганистана. – Кабул, 1361 (1983) – С. 56–60. – На языке дари (табака-йе каргар-е Афганестан).
43. См. об этом подробнее: Democratic Rebublic of Afghanistan Annual – P. 625–637, 646–649.
44. The Times of India. – 1980, November 4.
45. См об этом подробнее: Маздак, Фарид Ахмад. Образование и деятельность ДОМА в условиях победы и защиты Апрельской революции. – Кабул, джауза 1365 (май – июнь 1986). – С. 59–66. –

На языке дари (ташкил ва фаалият–е ДОМА дар шарайет–е пирузи ва дэфа аз энкелаб–е саур).

46. Resolution of the First Nation–wide Conference of the Women of Afghanistan // Text of Speeches in the Nation–wide Conference of the Women of Afghanistan. Held in Kabul from Nov. 28–30, 1980. – Kabul, 1980 – P. 184–189.
47. Democratic Republic of Afghanistan Annual. – P. 235–243, 663–676.
48. Democratic Republic of Afghanistan Annual. – P. 247 – 265.
49. Б.Кармаль, выступая 10 июля 1980 г. перед солдатами и офицерами национальной гвардии ДРА, указал, что при Амине было проведено семь широкомасштабных чисток армии, результатом которых явились изгнание из ее рядов лучших военных кадров и значительное ослабление морального и боевого духа войск. – См: Кармаль Б. На пути укрепления суверенитета народа. – С. 201.
50. Расми джарида. – 1980, 21 апреля. – С. 9–10.
51. М.Рафи значительно уступал по своей популярности в армии Абдул Кадыру, одному из признанных героев государственного переворота 1973 г. и апрельского вооруженного восстания 1978 г. Однако Абдул Кадыр, не принадлежавший к крылу Парчам, получил лишь далеко не престижный пост заведующего Отделом обороны и юстиции ЦК НДПА.
52. Актуальные проблемы афганской революции. – С. 434.
53. Там же, с. 427.
54. Кармаль Б. Доклад на втором пленуме ЦК НДПА. 13 апреля 1980 г. // Кармаль Б. На пути укрепления суверенитета народа. – С 66 – 67.
55. Democratic Republic of Afghanistan Annual – P. 462 – 467.
56. Выступление Б. Кармаля перед «солдатами революции», отправлявшимися в провинцию Лагман. 13 июля 1980 г. // Кармаль Б. На пути укрепления суверенитета народа. – С. 204 и 207.
57. Расми джарида. – 1980, 6 сентября. Далее ссылки даются на данный документ.
58. Democratic Republic of Afghanistan Annual. – P. 468–496.
59. Закон о всеобщей воинской обязанности. 7 января 1981 г. // Расми джарида. – 1981. – Январь. Далее ссылки даются на данный документ.
60. Краткие сведения об экономическом, политическом, социальном развитии Афганистана и его провинций / Составитель В.А. Кострюков. – Кабул, 1988. – С. 31 (ротапринт).
61. Кармаль Б. Доклад на втором пленуме ЦК НДПА. 13 апреля 1980 г. // Кармаль Б. На пути укрепления суверенитета народа. – С. 59.
62. Кармаль Б. Доклад на четвертом пленуме ЦК НДПА. 11 ноября 1980 г. // Кармаль Б. На пути укрепления суверенитета народа – С. 359.
63. Там же, с. 361.
64. См. об этом подробнее: Актуальные проблемы афганской революции. – С. 594–618.
65. См. об этом подробнее: Слинкин М.Ф. Леводемократические организации в Афганистане: зарождение и деятельность. – С. 83–157.
66. Теплинский Л.Б. История советско-афганских отношений. 1919–1987. – М.: Мысль, 1988. – С. 259.
67. New Age. – 1980, January 13.
68. Undeclared War. Armed Intervention and Other Forms of Interference in the Internal Affairs of the Democratic Republic of Afghanistan. – Kabul: Information Department DRA Ministry of Foreign Affairs, 1980. – P. 18–24.
69. Ibid., p. 18 – 23, 28 – 36; Теплинский Л.Б История советско-афганских отношений. – С. 262.
70. Теплинский Л.Б. История советско-афганских отношений. – С. 261.
71. Resolution ES – 6/2 of 14 January 1980 adopted at the six emergency special session of the General Assembly on the situation in Afghanistan and its implications for international peace and security. Official English text; Resolution 35/37 of 20 November, 1980 adopted at the thirty–fifth session of the General Assembly on the situation in Afghanistan and its implications for international peace and security. Official English text.
72. Resolution on Afghanistan adopted January 28, 1980, at the extraordinary meeting of the Foreign Ministers of the Islamic Conference // New York Times. – 1980, January 30. – P. A 13.
73. Послание Б.Кармаля аятолле Р.Хомейни // Democratic Republic of Afghanistan Annual. – P. 337–340, 768.
74. Statement of the DRA Government. May 14, 1980 // White Book. Foreign Policy Documents of the Democratic Republic of Afghanistan. – Kabul, 1981. – P. 53–56.